

Протоиерей
ВАЛЕНТИН
Свенцицкий

ДИАЛОГИ

Валентин Павлович Свенцицкий

Диалоги

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9306923

*Протоиерей Валентин Свенцицкий. Диалоги. : Благовест; Москва; 2014
ISBN 978-5-9968-0331-6*

Аннотация

Протоиерей Валентин Свенцицкий (1881–1931) – выдающийся проповедник Русской Церкви. Одно из его наиболее значительных сочинений «Диалоги» написано в классической форме диалогов между неверующим интеллигентом и православным священником, разъясняющим основы веры.

Книга неоднократно переиздавалась и была популярна среди образованной молодежи. Проблемы, освещенные в этом произведении, будут интересны и современному читателю.

Содержание

Предисловие	5
Диалог первый	7
Диалог второй	19
Диалог третий	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Протоиерей Валентин Свенцицкий

Диалоги

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС 13-317-2347)*

Предисловие

Протоиерей Валентин Свенцицкий родился в 1881 году в Казани, в дворянской семье. Отец его был католиком, воспитанием в православной вере обязан бабушке по материнской линии, Юлии Холгоненко. С 1895 года Валентин жил с семьей в Москве, где получил классическое образование, позволившее ему поступить на историко-филологический факультет Московского университета.

Валентин Свенцицкий был одним из основателей Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева (как формы легализации Христианского братства борьбы), куда вошли многие видные представители московской интеллигенции.

Уже тогда начал проявляться ораторский дар будущего пастыря – его выступления пользовались огромной популярностью и собирали множество слушателей.

В этот период В. П. Свенцицкий сотрудничает с редакциями сборников «Свободная совесть» и «Вопросы религии», регулярно публикуется в журнале «Новая земля», пишет литературоведческие статьи и художественные произведения, в которых заметно влияние творчества Ф. М. Достоевского. Многогранный талант молодого мыслителя не остался незамеченным образованными кругами московского и петербургского общества.

Увлечшись духовными исканиями, Свенцицкий пишет два философских романа: «Второе распятие Христа» и «Антихрист (Записки странного человека)». Епископ Анастасий (Грибановский) и будущий игумен Иоанн Селецкий (духовный отец прот. Владимира Воробьева) считали роман «Антихрист» замечательным; в течении года было продано 2 тиража издания.

Переживая острый духовный кризис, Свенцицкий странствовал по территории Российской Империи. Он смог переосмыслить всю свою предыдущую жизнь, преодолеть внутренний разлад.

Летом 1914 года Свенцицкий ездил на Кавказ. Под впечатлением от встреч с монахами-отшельниками он пишет в 1915 году книгу «Граждане неба. Мое путешествие к пустынноикам Кавказских гор».

Подлинным откровением для Валентина Павловича явилось общение с великим оптинским старцем, иеросхимонахом Анатолием (Потаповым), ставшим с 1898 года его духовным отцом. По благословению старца будущий пастырь творит непрестанную молитву и другие духовные делания, свойственные в основном монашеству, а впоследствии принимает священный сан и тем самым добровольно встает на путь исповедничества.

В годы гражданской войны отец Валентин примкнул к Белому движению, проповедовал на фронтах. В 1919 г. он пишет брошюры «Общее положение России и задачи Добровольческой армии» и «Война и Церковь», где открыто призывает к сопротивлению злу большевизма силой.

По окончании Гражданской войны отец Валентин остался в разоренной России.

Горячий сторонник Патриарха Тихона, он бросает все силы на борьбу с обновленческим расколом. После проповеди в Крестовоздвиженском храме, обличающей связь обновленчества и советской власти, отец Валентин был выслан на несколько лет в Среднюю Азию, где продолжил трудиться на пастырском поприще.

В конце 1924 года он вернулся в Москву и служил сначала в храме сщмч. Панкратия на Сретенке, а потом был переведен в храм свт. Николая на Ильинке, где стал настоятелем. Вокруг него сплотилась небольшая, но крепкая община. Отец Валентин ввел регулярную индивидуальную исповедь, частое причащение Святых Христовых Тайн и наставлял своих чад на особый путь духовного совершенствования, который назвал «монастырем в миру».

В январе 1928 года отец Валентин, на протяжении многих лет боровшийся с безбожной властью, не смог признать декларации заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и порвал каноническое и молитвенное общение с ним.

В 1928 году по обвинению в нелояльности к советской власти протоиерей Валентин был сослан в Сибирь на поселение. Именно там он пишет книгу «Диалоги», явившуюся венцом его пастырской и литературной деятельности.

В 1931 году, смертельно больной, он направил покаянное письмо митрополиту Сергию.

Получив прощение, 7/20 октября 1931 года отец Валентин скончался в больнице г. Канск (Красноярский край). Гроб был перевезен в Москву, и на заупокойном богослужении, состоявшемся на 20-й день после кончины пастыря, присутствующие с благоговением увидели, что тление не коснулось его тела.

Отец Валентин был похоронен на Пятницком кладбище, а в 1940 году его останки были перенесены на Введенское, куда по сей день приходят верующие, чтобы почтить память пастыря и мученика.

Книга «Диалоги» неоднократно переиздавалась и была популярна среди образованной молодежи, в том числе учащихся духовных учебных заведений. Избранная автором форма диалога использовалась уже в античности. Согласно традиции, диалог ведется между мудрецом (в данном случае Духовником) и профаном (в «Диалогах» Свенцицкого – Неизвестным). Духовник, собирательный образ православного священника, отвечает на вопросы неверующего интеллигента Неизвестного и постепенно приводит его к православной вере.

Оба персонажа – и Духовник, и Неизвестный – описаны с большой искренностью.

Отец Валентин, сам переживший в юности тяжелый опыт духовных исканий, глубоко понимал трагедию утраты веры и уже как добрый пастырь мог указать путь к свету Христову.

Многие годы эта книга помогала молодым людям, в числе которых было немало будущих священнослужителей, укрепиться в вере, преодолеть сомнения, неизбежные на пути духовного делания. Сейчас ее также можно рекомендовать воцерковляющимся христианам, вслед за первым восторгом неопита ощутившим конфликт веры и рассудка.

Мария Сеньчукова

Диалог первый О бессмертии

Неизвестный. Я пришел к тебе не исповедоваться. Мне просто надо поговорить с тобой. Но, может быть, это невозможно?

Духовник. Почему?

Неизвестный. Да видишь ли, я хочу говорить о вере, но сам человек совершенно неверующий.

Духовник. Зачем же тогда говорить со мной?

Неизвестный. Ты разрешишь мне на этот вопрос ответить откровенно?

Духовник. Да.

Неизвестный. Я не только не верую, я не могу себе и представить, как можно верить при современном состоянии науки. Мне хочется понять: что, в конце концов, стоит за верованием образованных людей, которых нельзя назвать заведомыми обманщиками? Я решил, если ты не откажешься, поговорить с тобой с глазу на глаз и, так сказать, начистоту – в чем же тут дело?

Духовник. Я несколько не сомневаюсь в истинности своей веры и готов защищать ее.

Неизвестный. Прекрасно. Но вот еще что: о чем я могу с тобой говорить? Все ли вопросы ты считаешь возможным обсуждать с человеком неверующим и совершенно тебе неизвестным?

Духовник. Говори обо всем, что найдешь нужным.

Неизвестный. Я, прежде всего, хотел бы говорить о бессмертии. Назначь мне время, когда ты будешь свободен.

Духовник. Говори сейчас.

Неизвестный. Я боюсь, что наш разговор затянется.

Духовник. Тогда мы продолжим его в другой раз.

Неизвестный. Хорошо. Только не требуй от меня последовательности. Я буду говорить так, как думаю, когда остаюсь один...

Бессмертие? Что это такое? Жизнь после смерти. Кто же будет жить? Кто-то или что-то во мне находящееся, что не исчезает после уничтожения моего тела? Если меня бросят в огонь, от моего тела – мозга, сердца, костей – останется горсть пепла. И вот я должен почему-то верить, что я все-таки где-то буду продолжать свое существование. Какие основания для этой веры? Не простое ли желание вечно жить и боязнь уничтожения? Мой разум отказывается представить себе какое бы то ни было бытие без материальной основы. Я не могу рассматривать человека как видимый футляр, в котором помещается невидимая душа. Футляр сломался. Его можно сжечь, а душу вынуть и положить в другое место? И что значит это другое место? Оно будет занимать некоторое пространство? Или эта таинственная, бессмертная душа не только невидима, но еще и «беспространственна»? Что же она такое? Для меня она абсолютная бессмыслица. И какие основания могут заставить мой разум «поверить» в эту бессмыслицу?.. На этом я пока остановлюсь.

Духовник. Прежде чем ответить на твой вопрос: «Какие основания для этой веры?», попробуем рассмотреть, такая ли уж это «абсолютная бессмыслица» для твоего разума, как кажется с первого взгляда. Возьми чисто физическую область. Брошенный камень падает на землю. Это видят все. И все знают, что причина падения камня – притяжение Земли. Но никто эту силу, именуемую притяжением, не видит.

Неизвестный. Что же общего у силы с душой? Чтобы сила действовала, нужна материальная среда. А вы считаете, что душа может существовать без тела, т. е. безо всякой материальной среды.

Духовник. Совершенно верно. Я и говорю тебе, что беру область чисто физическую. Естественно, что здесь явления могут быть только в материальной среде. Я хочу указать тебе, что и в области физической возможны различные свойства бытия, – вот, например, силы не имеют всех свойств материи, их не видно. Видны лишь *действия* сил.

Неизвестный. Да, конечно. Свойства сил и материи различны, но это сравнение неубедительно для вопроса о возможности существования души вне тела. Научные опыты с несомненностью устанавливают, что так называемая психическая жизнь является результатом физико-химических процессов, и поэтому нельзя совершенно отделять ее от материи. А отсюда следует, что с уничтожением этих физико-химических процессов в живом организме – должна уничтожиться и *вся жизнь*. Значит, никакой «души» остаться не может.

Духовник. О каких опытах ты говоришь?

Неизвестный. О тех опытах, которые устанавливают, что мысль есть результат определенных физико-химических процессов мозга. Искусственное раздражение некоторых желез вызывает определенные психологические явления. Повреждение определенных клеток в результате дает как механическое следствие изменение определенных психических состояний и т. д. Ты, конечно, знаком с этим. Неужели эти факты не доказывают неопровержимо, что все явления «душевной» жизни есть простые следствия тех изменений и процессов, которые происходят в нашем теле?

Духовник. Доказывают, но не совсем то. Они доказывают, что душа, соединяясь с веществом, находится с ним в некотором взаимодействии и для своего выражения в вещественном мире требует определенных материальных условий. Это лучше всего опять-таки пояснить примером из физической области. Возьми электрическую энергию и электрическую лампочку. Когда лампочка в порядке, электрическая энергия дает свет, лампочка горит. Но вот лопнул волосок. Ток оборвался. Лампочка погасла. Значит ли это, что электричества не существует и что лампочка и электрическая энергия одно и то же? Электричество существует *вне* лампочки. Но для того, чтобы проявить себя, оно требует целого ряда материальных условий. Точно так же и та «энергия», которую мы именуем душой. Если ты повредишь материальный аппарат, который служит для выражения душевной жизни, – например, ту или иную часть мозга, – душевная жизнь не сможет *выразить себя* или будет выражать себя неправильно. Но из этого совсем не следует, что мозг твой и есть *твоя душа* или что душевная жизнь твоя – результат физико-химических процессов в мозговых клетках. Как не следует, что погасшая электрическая лампочка и электрическая энергия одно и то же.

Неизвестный. Но ведь существование электрической энергии доказывается не только горячей электрической лампочкой, а и множеством других опытов. Чем же доказывается бытие души?

Духовник. Подожди. Об этом позже. Пока мы говорим только о том, можно ли считать «абсолютной бессмыслицей» для разума какое бы то ни было бытие без материальной основы.

Затем я должен тебя спросить: считается ли элементарный рассудок, который больше всего и препятствует вере, – считается ли он с научным представлением о материи? Ведь по этому научному представлению, материя совсем не то, что ты видишь. Разве ты видишь непрерывно движущиеся атомы, которые составляют неподвижную для глаз материю? Разве ты видишь множество движущихся электронов в недрах этих движущихся атомов? И можешь ли отнестись без всякого внимания к указаниям философии, что, постигая вещественный мир, ты постигаешь лишь те «субъективные состояния своего сознания», которые зависят от твоих внешних чувств, а потому о сущности самого вещества ты ничего не

можешь знать. Будь у тебя иные органы зрения, иные органы слуха, осязания и вкуса – весь мир представлялся бы тебе иным. Можешь ли ты совершенно откинуть указания философии и на то, что пространство и время есть не что иное, как категории твоего разума. Если принять в соображение все это, не покажется ли тебе вопрос о «материи» столь сложным, что совершенно невозможным сделается упрощение его до грубого и уж совсем ненаучного материализма?

Неизвестный. Допускаю, что это так. Но какие отсюда ты делаешь выводы?

Духовник. Пока выводы очень незначительны. Я утверждаю, что о сущности материи мы знаем гораздо меньше, чем думаем, и что явления совершенно несомненные дают нам основания не считать обычное вещественное бытие, постигаемое пятью внешними чувствами, единственно возможной формой материального бытия вообще.

Неизвестный. Но из этого нельзя же сделать вывод о существовании такого бытия, как «душа».

Духовник. Разумеется. И я такого вывода пока не делаю. Больше того, я должен сказать тебе, что если бы даже в окружающей жизни действительно не было никаких признаков бытия без материальной основы, то одно это ни в коем случае не решало бы вопроса, может ли существовать такое бытие. Мы облечены в материальную *форму*, все наши органы подчинены материальным законам. И нет ничего удивительного, что этим мы постигаем лишь то, что имеет материальную основу.

Но будем рассуждать дальше. Какие же основания для нашей веры в бессмертие? Можно ли бессмертие доказать? Ведь я понял тебя правильно? Ты ставишь вопрос именно так?

Неизвестный. Да.

Духовник. Что ты разумеешь под словом «доказательства»?

Неизвестный. Под словом «доказательства» я разумею или факты, или логические рассуждения, общеобязательные для человеческого разума.

Духовник. Хорошо. Применительно к вопросу о бессмертии, какие доказательства тебя удовлетворили бы?

Неизвестный. Прежде всего, конечно, факты. Если бы с «того света» были даны какие-либо свидетельства о жизни человеческой души, продолжающейся после смерти тела, я считал бы вопрос решенным. Этого нет. Остается другое – логика. Логика, конечно, менее убедительна, чем факты, но до некоторой степени может заменить их.

Духовник. Свидетельств, о которых ты говоришь, множество. Но таково свойство неведения. Оно всегда требует фактов и всегда их отрицает. Трудно что-нибудь доказать фактами, когда требуют, чтобы сами факты, в свою очередь, доказывались.

Неизвестный. Но как же быть, нельзя же достоверными фактами считать рассказы из житий святых?

Духовник. Можно, конечно. Но я понимаю, что тебе сейчас такими фактами ничего не докажешь, потому что эти факты не менее нуждаются для тебя в доказательствах, чем бессмертие души.

Неизвестный. Совершенно верно.

Духовник. Мы подойдем к решению вопроса иначе. Мы тоже будем исходить из факта. Но из факта для тебя несомненного – из твоего собственного внутреннего опыта.

Неизвестный. Не совсем понимаю.

Духовник. Подожди, поймешь. А пока я спрошу тебя. Допустим, ты видишь своими собственными глазами зеленое дерево, а тебе докажут путем логических доводов, что никакого дерева на самом деле нет. Скажешь ли тогда: «Неправда – оно есть»?

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Ну вот. Именно такой путь избираю и я в своих рассуждениях. Я беру то, что ты «видишь» и в чем ты «не сомневаешься». Затем условно встаю на точку зрения «отрицателя бессмертия». Доказываю тебе, что то, что ты видишь и в чем ты не сомневаешься, – «бессмыслица», на самом деле этого не существует. Скажешь ли ты мне тогда: «Неправда, существует – я это знаю»?

Неизвестный. Скажу.

Духовник. Но тогда тебе придется отказаться от основного моего положения, допущенного условно, – от отрицания бессмертия.

Неизвестный. Все это для меня не совсем ясно.

Духовник. Тебе станет ясно из дальнейшего.

А теперь скажи мне, признаешь ли ты в человеке свободную волю?

Неизвестный. Конечно, признаю.

Духовник. Признаешь ли ты какое-либо моральное различие в поступках людей, т. е. одни поступки считаешь хорошими, другие дурными?

Неизвестный. Разумеется.

Духовник. Признаешь ли ты какой-нибудь смысл в своем существовании?

Неизвестный. Да, признаю. Но оставляю за собой право этот смысл видеть в том, что мне кажется смыслом. Для меня он в одном, для других может быть совершенно в другом.

Духовник. Прекрасно. Итак, несомненными *фактами* для тебя являются свобода воли, различие добра и зла и какой-то смысл жизни.

Неизвестный. Да.

Духовник. Все это ты «видишь», во всем этом ты не сомневаешься?

Неизвестный. Не сомневаюсь.

Духовник. Теперь, на время, я становлюсь неверующим человеком и никакого иного мира, кроме материального, не признаю. Начинаю рассуждать и прихожу к логически неизбежному выводу, что «несомненное» для тебя – на самом деле бессмыслица: нет ни свободы воли, ни добра, ни зла, ни смысла жизни. И если в моих доказательствах ты не найдешь ни малейшей ошибки – скажешь ли ты все-таки, что я говорю неправду, что свобода воли существует, существуют добро и зло и смысл жизни, что это не бессмыслица, а несомненный факт?

Неизвестный. Да, скажу.

Духовник. Но, если ты это скажешь, не должен ли ты будешь отвергнуть основную посылку мою, из которой сделаны эти выводы, т. е. мое неверие?

Неизвестный. Да... Пожалуй...

Духовник. Теперь тебе ясен путь моих рассуждений?

Неизвестный. Да.

Духовник. Так начнем рассуждать. Перед нами вопрос о свободе воли. Что разумеется под этим понятием? Очевидно, такое начало, действия которого не определяются какой-то причиной, из которой они неизбежно вытекают, а само определяет эти действия, являясь их первопричиной. Воля человека начинает ряд причинно обусловленных явлений, сама оставаясь свободной, т. е. причиной не обусловленной. Ты согласен, что я верно определяю понятие свободы воли?

Неизвестный. Да.

Духовник. Можем ли мы признать существование такого начала? Разумеется, нет. Для нас, материалистов, понятие «свободы» – вопиющая бессмыслица, и наш разум никаких иных действий, кроме причинно обусловленных, представить себе не может. Ведь мир состоит из различной комбинации атомов и электронов. Никакого иного бытия, кроме материального, нет. Человек не составляет исключения. И он своеобразная комбинация тех же атомов. Человеческое тело и человеческий мозг можно разложить на определенное количе-

ство химических веществ. В смысле вещественности нет никакого различия между живым организмом и так называемой неодушевленной вещью. А мир вещественный подчинен определенным законам, из которых один из основных – закон причинности. В этом вещественном мире нет никаких бессмысленных и нелепых понятий «свободных» действий. Шар катится, когда мы его толкнем. И он не может катиться без этого толчка и не может не катиться, когда толчок дан. И он был бы смешон, если бы, имея сознание, стал бы уверять, что катится по своей свободной воле и что толчок – это его свободное желание. Он не более чем шар, который катится в зависимости от тех или иных толчков и который, будучи вещью, напрасно воображает себя каким-то «свободным» существом.

Все сказанное может быть заключено в следующий, логически неизбежный, ряд: никакого иного бытия, кроме материального, не существует. Если это так, то и человек – только материальная частица. Если человек – только материальная частица, то он подчинен всем законам, по которым живет материальный мир. Если мир живет по законам причинности, то и человек, как частица вещества, живет по этим же законам. Если материальный мир не знает свободных, «беспричинных» явлений, то и воля человека не может быть свободной и сама должна быть причинно обусловленной.

Итак, свободы воли не существует. Ты согласен, что я рассуждаю строго логически?

Неизвестный. Да.

Духовник. Ты согласен с этим выводом?

Неизвестный. Нет, конечно, не согласен. Я чувствую свою свободу.

Духовник. Будем рассуждать дальше. Перед нами вопрос о хороших и дурных поступках. Один человек отдал последний кусок хлеба голодному. Другой отнял последний кусок у голодного. Признаешь ли ты нравственное различие этих двух поступков?

Неизвестный. Признаю.

Духовник. А я утверждаю, что никакого морального различия между этими поступками нет, потому что вообще понятия добра и зла – полнейшая бессмыслица. Мы уже показали бессмысленность понятия свободы воли в вещественном мире. Такою же бессмыслицей мы должны признать и понятия добра и зла. Как можно говорить о нравственном поведении шара, который двигается, когда его толкают, и останавливается, когда встречает препятствие? Если каждое явление причинно обусловлено, то в нравственном смысле они безразличны. Понятия добра и зла логически неизбежно предполагают понятие свободы. Как можно говорить о дурных и хороших поступках, когда и те и другие не зависят от того лица, которое их совершает?

Представь себе автомат, который делает только те движения, которые обуславливает заведенная пружина, – разве ты скажешь, что автомат поступил нравственно или безнравственно, опустив руку? Он опустил руку, потому что не мог сделать иначе, потому что таковадвигающая его пружина, и поэтому его механические действия никакой моральной оценки иметь не могут.

Но чем же отличается живой человек от автомата? Только тем, что пружина автомата видна, а пружины живого человека не видно. Но как тот, так и другой – лишь кусочки вещества, и потому как тот, так и другой никаких иных действий, кроме механических, т. е. причинно обусловленных, производить не могут.

Все сказанное заключим опять в последовательный логический ряд: никакого иного мира, кроме вещественного, не существует. Если это так, то и человек – только частица вещества. Если он частица вещества, то подчинен законам вещественного мира. В вещественном мире все причинно обусловлено, потому и у человека нет свободной воли. Если у него нет свободной воли, то все его поступки, как механически неизбежные, в нравственном смысле безразличны. Итак, «добра» и «зла» в вещественном мире не существует. Ты согласен, что я рассуждаю совершенно логично?

Неизвестный. Да, я не заметил никакой ошибки в твоих рассуждениях.

Духовник. Значит, ты согласен с моими выводами?

Неизвестный. Нет, не согласен.

Духовник. Почему?

Неизвестный. Потому что во мне есть нравственное чувство, и я никогда не соглашусь, что нет морального различия между подлым и благородным поступком.

Духовник. Очень хорошо. Будем рассуждать дальше. Перед нами вопрос о смысле жизни. Ты признаешь, что какой-то смысл жизни существует?

Неизвестный. Да, признаю.

Духовник. А я утверждаю, что никакой цели и никакого смысла у человеческой жизни нет, потому что ни о каком смысле не может быть речи там, где отрицается свобода воли и где вся жизнь рассматривается как цепь механических явлений. Когда ты говоришь: я протянул руку, чтобы взять стакан, – ты имеешь два факта, связанных между собой, как цель связывается со средством. Цель – взять стакан, средство – протянутая рука. И хотя ты, как частица вещества, лишен свободы воли, потому и цель твоя, и средство твое – все не более как механические явления, но все же, в известном смысле, можно сказать, что в движении твоей руки была цель. Если ты возьмешь всю свою жизнь в ее совокупности и поставишь вопрос о цели этих связанных друг с другом целесообразных фактов, то такой цели при отрицании вечной жизни быть не может. Смерть прекращает твою жизнь, тем самым прекращает и цель, какую бы ты ни поставил в оправдание всей своей жизни, и делает ее «бесцельной». Отрицая бессмертие и признавая только вещественный мир, можно говорить о цели в самом ограниченном смысле – о цели отдельных поступков, всегда при этом памятуя, что каждый этот поступок есть не что иное, как механически обусловленное действие автомата. Ты согласен с этим?

Неизвестный. Нет, не согласен. Разве не может быть целью человеческой жизни такое возвышенное стремление, как счастье грядущих поколений?

Духовник. Не может быть. Во-первых, нет ничего возвышенного и нет ничего низменного, коль скоро все совершается одинаково несвободно, автоматически, по тем или иным законам вещества. Если один умирает за грядущее счастье людей, а другой предаст их, то не потому, что один поступает возвышенно, а другой низко, – они поступают по-разному, как два разных автомата, у которых разные пружины, обуславливающие разные автоматические действия. Но если рассмотреть вопрос с другой стороны – с точки зрения условной целесообразности этих явлений, то никак эта «возвышенная цель» не может оправдать жизнь человеческую.

В самом деле, если человеческая жизнь не имеет цели, то почему эту цель может дать счастье грядущих поколений? Ведь жизнь каждого из представителей этих грядущих поколений также не имеет никакой цели. Каким образом может осмыслить жизнь человеческую счастье бессмысленно живущих людей? В какую бы даль ни отодвигали бессмыслицу и бесцельность, она не приобретает от этой дальности расстояния ни цели, ни смысла.

Неизвестный. Однако люди, совершенно отрицающие вечную жизнь, во имя этой цели жертвуют собой не на словах, а на деле. За пустой звук не отдашь свою жизнь.

Духовник. Во-первых, они отдают свою жизнь не почему-либо иному, как все по той же основной причине: так комбинируются атомы, так действует механическая причина, что иначе они поступить не могут. Но, конечно, оставаясь верным логике, мы должны назвать такую жертву совершенно бессмысленной. И если ты скажешь человеку: иди умирать за счастье людей, которые будут жить через несколько десятков лет, – он вправе ответить: а какое мне дело до счастья этих ни для чего не нужных людей, чтобы я отдал за них мою собственную жизнь?

Неизвестный. Ужасные выводы все-таки.

Духовник. Да, ужасные. Но их следует сделать неизбежно. И если ты не можешь их принять, чувствуешь их неправду, – ты должен отвергнуть основную посылку, т. е. отвергнуть отрицание бессмертия. Ведь эти выводы, в конце концов, гораздо бессмысленнее для твоего разума, чем признание бытия без материальной основы или «беспространственности» души.

Неизвестный. Да, конечно. Особенно трудно принять вывод об отсутствии смысла жизни. Так величественна история человечества, так много создано человеческим гением, так прекрасны произведения искусства, наконец, в своей жизни столько возвышенных стремлений, столько внутренней борьбы, столько страданий, что дикою кажется мысль о бесцельности всего этого. Но что меняется в этом вопросе при вере в бессмертие?

Духовник. Все меняется совершенно. Вечная жизнь, как нечто не имеющее предела и потому не нуждающееся для своего оправдания в чем-то последующем, может быть самодовлеющей целью и потому может осмыслить весь предшествующий ряд явлений, т. е. все конечные моменты земной жизни. Остановимся на этом подробнее. Со стороны формальной, земная жизнь человеческая есть последовательный ряд причин и следствий, который, с точки зрения целесообразности, может рассматриваться как ряд средств и целей. Например: я иду по улице, чтобы купить хлеб. Я совершаю ряд движений, которые являются средством для достижения цели – покупки хлеба. Какова цель покупки хлеба? Мне хочется есть, и я хочу утолить голод. Эта цель совершенно достаточна, чтобы дать смысл покупке хлеба. Но можно ли сказать: цель моей жизни – утолять голод? Такая цель не может оправдать жизнь, потому что конечное само определяется чем-то последующим, что является для него целью. Целью окончательной, дающей смысл всем предыдущим преходящим моментам может быть только то, что остается всегда и потому не нуждается в последующей цели как в своем оправдании.

Такая цель и есть жизнь вечная. В ней заключается смысл жизни земной.

Неизвестный. Как же ты определишь этот смысл? Для чего надо жить, если есть бессмертие?

Духовник. Ответ ясен и прост. Надо жить для того, чтобы в процессе земной жизни достигнуть наилучшего устройства бессмертной своей души. Нас ждет жизнь вечная – и в зависимости от достигнутого здесь духовного состояния – будет тем или иным наше вечное бытие. Освещаемая этой вечной задачей, вся земная жизнь до последней мелочи приобретает великий смысл. При отрицании бессмертия самые крупные события ничтожны, потому что вся жизнь твоя в своей совокупности бессмысленна, а потому и ничтожна. При вере в бессмертие, напротив, самое ничтожное событие приобретает великий смысл, потому что великий смысл приобретает вечная твоя жизнь. Все может иметь положительное или отрицательное значение для внутреннего устройства, потому что все в жизни важно, все связано с вечным ее началом в положительном или отрицательном смысле.

Неизвестный. Да, ответ ясен. Но сколько опять поднимается вопросов и недоумений! Зачем тогда рождаются идиоты? Какой смысл в рождении сейчас же умирающих младенцев? И прочее, и прочее, и прочее...

Духовник. Да, много есть вопросов, на которые мы не можем ответить, потому что многое нам не открыто в Божественном откровении и для человеческого разума, без высшего откровения, недоступно. Но разве на все вопросы могут ответить признающие только вещественный мир и разве все явления для них понятны? Однако это не заставляет тебя сомневаться в том, что ты считаешь основными истинами о веществе. Так же и здесь. Если на какой-либо вопрос мы не имеем ответа – это несколько не должно нас смущать, коль скоро мы поняли главное: что мир имеет потустороннее бытие, кроме видимого вещественного, и человек, кроме тела, имеет бессмертную душу. Что же касается твоих вопросов о младенцах и идиотах, то они до некоторой степени могут быть объяснены нами. Мы знаем, каков смысл

жизни у человека, живущего на земле. Но совершенно не знаем, и это тайна Премудрости Божией, зачем нужно, чтобы он родился, зачем нужно соединение души и тела. Очевидно, самое соединение это является необходимым условием той вечной жизни, которую даровал людям Господь. Если так, то и младенцы, и идиоты – это условие имеют как вечной жизни участники. И этим уже оправдывается явление их на свет. Неведомо только нам, почему процесс жизни земной для одних душ нужен полностью, для других вовсе не нужен, и они умирают, лишь облекшись в материальную форму, третьи, наконец, такие, как идиоты, должны понести физическое возрастание, имея душу, совершенно загражденную слабостью разума.

Неизвестный. Еще вопрос. Если смысл жизни где-то там, на небесах, то все здешнее делается безразличным. Зачем бороться со злом? Терпи.

Умрешь – там будешь блаженствовать. Но против перенесения смысла жизни в загробную область во мне протестует мое право на жизнь здесь, на земле.

Духовник. То, что ты говоришь, – это ходячее и совершенно ложное обвинение. Напротив, вера в бессмертие вливает энергию в борьбу со злом. Человек – не кусок материи, который сгниет, а нечто, имеющее великую ценность, потому что он является носителем вечного бессмертного начала. Поэтому все существо верующего человека охватывает желание бороться с тем, что калечит и губит эту вечную ценность.

Верующему человеку настолько же больше смысла бороться со злом, чем человеку неверующему, насколько вечность больше краткого мгновения земной жизни. Если неверующие люди, для которых человек не более как кусок материи, живущий неизвестно зачем 50–60 лет и потом распадающийся на составные элементы, борются со злом, то как же должен бороться с ним тот, для кого человек имеет вечную, бессмертную душу.

Неизвестный. Все это так сложно, так отвлеченно и так трудно понять.

Духовник. Простота неверия кажущаяся. Неверующие люди поступают недобросовестно. Они отрицают бессмертие и этим освобождают себя от тех нравственных обязательств, которые возлагает на человека религия. Неверие дает им простор в удовлетворении страстей, и безудержный эгоизм становится главной движущей силой. Но, освободив себе путь для эгоистической жизни, они в то же время не хотят сделать всех выводов, к которым их обязывает неверие. Если бы они эти выводы сделали добросовестно, получился бы такой ужас, что им ничего другого не осталось бы, как бежать от своего неверия и искать спасения от безнадёжного отчаяния в религии. Вместо этого они предпочитают грубый самообман. Они продолжают употреблять слова, не имеющие в их устах решительно никакого смысла: «свобода», «добро», «зло», «цель жизни», и этими словами спасают себя от ужаса неизбежных выводов неверия. Но эти слова чужие. Только религия дает им действительное содержание. Самообман ловкий, очень удобный, но не прочный. Отвергнув религию, потому что так удобнее, и позаимствовав от нее слова, на которые не имеет права, потому что так тоже удобнее, – неверие не может удовлетворить человеческую совесть. Она непременно скажет более или менее слышно, что сказал ты: я чувствую свободу воли. Значит, человек не вещь. Я чувствую различие добра и зла. Значит, есть не только вещественный мир. Я чувствую смысл жизни. Значит, неверие – ложь. Против насилия повседневного элементарного рассудка протестует бессмертный дух наш и побуждает совесть искать истину. Не рассудок, а сама душа знает и таинственное непостижимое начало свободы, которая дарована ей, и коренное различие добра и зла, и высший, вечный смысл человеческой жизни. Потому и можно сказать положительно: добросовестное неверие всегда приводит к вере.

Неизвестный. А что, если окажется легче принять ужас, чем веру? Что, если ты меня убедишь, что «свобода», «добро» и «зло», «смысл жизни» – чужие слова, и надо выбирать: или полный отказ от этих слов и признание всех ужасающих выводов последовательного неверия, или право на эти слова и вместе с тем религиозную их основу. И что, если при

такой постановке вопроса я не смогу выбрать второе и выберу все-таки первое, как ты тогда будешь убеждать меня в истинности своей веры?

Духовник. Тогда я не буду убеждать тебя вовсе.

Неизвестный. Почему?

Духовник. Один великий человек сказал, что абсолютная истина и абсолютная нелепость одинаково не требуют доказательств.

Неизвестный. Как не требуют? Выводы, к которым пришел ты в своих рассуждениях, ужасны, – но нельзя заставить себя «веровать» из страха перед неизбежностью принять их. Твои рассуждения могут привести человека к такому безнадежному решению: ничего, кроме материи, не существует. Я в этом убежден. Из этого следует, что человек автомат, добра и зла не существует и жизнь человеческая не имеет никакого смысла. Это ужасно. Но пусть так. Если эти выводы неизбежны, я принимаю и эти выводы. Что можешь сказать ты такому человеку в защиту веры, чем опровергнешь его неверие? Неужели, по-твоему, с таким человеком просто не стоит разговаривать?

Духовник. Нет, ты не понял меня. В конечном итоге вера и неверие логически одинаково недоказуемы. Что может сделать логика? Она может вскрыть ложь основной посылки, показав, к каким нелепым выводам эта ложная посылка приводит. Но если человек лучше готов принять явно нелепые выводы, чем отказаться от этой посылки, – тут «логика» бессильна. такому человеку можно помочь иным путем. Ему не надо доказывать, а надо раскрыть положительное содержание истины. И если непосредственное чувство подскажет ему, что это действительно истина, – он ее примет.

Неизвестный. Какого метода ты будешь держаться со мной?

Духовник. И того, и другого. Говоря о бессмертии, я пользовался логическим методом, потому что ты обещал мне в случае явно нелепых выводов остаться при своих убеждениях о свободе воли, добре и зле и смысле жизни и отказаться от неверия в бессмертие как основной посылки. Что же касается всех наших разговоров в их совокупности, я надеюсь, что они дадут то, что достигается вторым методом, т. е. раскроют перед тобою самое содержание истины. Но это дело будущего. А теперь вернемся к нашим рассуждениям и подведем итог сказанному.

Неизвестный. Хорошо. Подводи итог, но потом я должен сказать тебе еще нечто.

Духовник. Прекрасно. Итак, рассмотрение веры в бессмертие нас привело к следующим выводам. Во-первых, вера в бессмертие не так противоречит разуму, как кажется с первого взгляда, потому что и в материальном мире есть явления, не вполне совпадающие с обычным нашим представлением о веществе. Во-вторых, условно допустив истинность отрицания всякого бытия, кроме вещественного, мы пришли к целому ряду логически неизбежных нелепых выводов – как отрицание свободы воли, различия добра и зла и смысла жизни. В-третьих, эти нелепые выводы, противоречащие непосредственным и несомненным данным нашего сознания, заставили нас отвергнуть основную посылку, из которой они вытекали, т. е. наше утверждение, что никакого иного мира, кроме вещественного, не существует, и человек является лишь частицей этого вещественного мира.

Неизвестный. Да, правильно. Только последнее я бы не мог принять в столь категорической форме. Я бы сказал так: эти выводы поставили под сомнение истинность основной посылки о том, что человек только частица вещества.

Духовник. Пусть для тебя это будет так – твое субъективное состояние от моей логики не зависит. Но логически, т. е. объективно, я утверждаю, что неизбежно не только поставить под вопрос эту основную посылку, а отвергнуть ее совершенно.

Неизвестный. Допустим. Но для меня важна не только отвлеченная или, как ты говоришь, объективная истина, а именно субъективная уверенность. Вот к этому имеет отношение и то, что я хотел тебе сказать.

Духовник. А именно?

Неизвестный. Можно ли назвать верой то, что дают какие бы то ни было рассуждения?

Духовник. Конечно, нет.

Неизвестный. Вот видишь, и ты согласен с бесплодностью рассуждений. Меня, по крайней мере, убедить могут только факты, потому что безусловную уверенность всегда дает опыт. Отвлеченные доказательства в лучшем случае приводят к мысли: а может быть, и так. Если бы «логика» в отвлеченных вопросах имела силу математических доказательств, тогда – да, она могла бы заменить факты. Но этого нет. И если я не знаю, что тебе возразить, из этого не следует, что ты убедил меня. У меня силу твоих рассуждений подтачивает мысль: а как же другие? Сколько великих ученых не имеют веры и признают только материальный мир. Неужели им неизвестны эти рассуждения? Очевидно, возражения есть, только я их не знаю. Иначе все должны были бы стать верующими. Ведь все признают, что Земля движется вокруг Солнца и что сумма не меняется от перемены мест слагаемых. Значит, бессмертие – не математическая истина. Эти соображения превращают для меня твою истину в простую возможность. Но возможность в вопросах веры – это почти ничто.

Духовник. Представь себе, я согласен со многим из того, что ты сказал. Но выводы мои совсем иные. Прежде чем говорить об этом, уклонюсь в сторону: об ученых и математических доказательствах. Ведь нам с тобой придется говорить о многом, и это пригодится.

Вот ты сказал о неверующих ученых, что в тебе их имена подтачивают веру. Но почему тогда имена верующих великих ученых не подтачивают безусловной твердости твоего неверия? Почему ты также не хочешь сказать: «Неужели им неизвестны рассуждения *неверующих* людей? Очевидно, возражения есть, только я их не знаю. Иначе *все* должны бы стать *неверующими*. Ведь тебе известны слова Пастера: «Я знаю много и верую, как бретонец, если бы знал больше – веровал бы, как бретонская женщина».

Ты прекрасно знаешь, что великий физик Лодж, председательствуя в 1914 году на международном съезде естествоиспытателей, заявил в публичной речи о своей вере в Бога. Ты знаешь, что наш Пирогов в изданном после его смерти «Дневнике», подводя итог всей своей жизни, говорит: «Жизнь-матушка привела, наконец, к тихому пристанищу. Я сделался, но не вдруг, как многие неопиты, и не без борьбы, верующим... Мой ум может ужиться с искреннею верою. И я, исповедуя себя весьма часто, не могу не верить себе, что искренне верую в учение Христа Спасителя... Если я спрошу себя теперь, какого я исповедания, – отвечу на это положительно – православного, того, в котором родился и которое исповедовала моя семья... Веру я считаю такою психологическою способностью человека, которая более всех других отличает его от животных...»

А Фламарион, Томсон, Вирхов, Лайель? Не говоря уже о великих ученых, философах и писателях. Неужели все эти великие ученые чего-то не знали, что знаешь ты, и неужели они знали меньше, чем рядовой современный неверующий человек? Почему эти имена не заставляют тебя сказать о *неверии* хотя бы то же, что ты говоришь о вере: «Эти соображения превращают для меня неверие в простую возможность»?

Теперь о математических истинах. Даже здесь не так все «безусловно», как тебе кажется. Иногда элементарные математические истины находятся в видимом противоречии с математическими истинами высшего порядка. В элементарной геометрии мы знаем «математическую истину», что все точки двух параллельных линий отстоят друг от друга на равном расстоянии. Но высшая математика утверждает, что параллельные линии в бесконечности пересекаются. Из элементарной арифметики мы знаем «математическую истину», что сумма не меняется от перемены мест слагаемых. Но механика утверждает, что сумма сия от перемены их мест меняется.

Вернемся теперь к вопросу о значении рассуждения в деле веры. Да, ты прав, когда говоришь, что безусловную веру может дать *опыт*. Не факты, а именно *опыт*. Каждый факт

можно взять под сомнение. *Опыт* – дело другое. Опыт и есть самое твердое основание веры. Таким образом, из твоей верной оценки относительно значения отвлеченных рассуждений, вывод должен быть такой: пока у человека не будет религиозного опыта, ни факты, ни рассуждения не дадут ему настоящей веры. Без этого опыта он может лишь «допускать» истинность того, чему учит вера, но всегда с оговоркой: «а может быть, и не так». Если ты видишь солнце своими собственными глазами, неужели твоя уверенность, что оно существует, хоть сколько-нибудь зависит от того, что его видят и другие. И неужели, если бы большинство потеряло способность видеть солнце и стало утверждать, что его нет, ты поколебался бы в том, что видел собственными глазами, и стал бы говорить о солнце, что, «может быть», оно существует.

Неизвестный. Но я не понимаю, какой «опыт» может дать уверенность в бессмертии.

Духовник. Тот внутренний опыт, который у религиозных людей столь же несомненен и так же утверждает для них реальность невидимого, как утверждает для тебя реальность видимого «опыт» твоих внешних чувств.

Неизвестный. Скажи подробнее, что ты разумеешь под этим внутренним опытом?

Духовник. Внутреннее чувствование своего духовного бессмертного начала.

Неизвестный. Но солнце видят все, а «чувствование», о котором ты говоришь, имеют «некоторые».

Духовник. Да. И на это есть свои причины. Большинство людей живет недуховной жизнью. Высшее таинственное начало в человеке, которое именуется *духом*, остается вне их жизни. Естественно, что теряют они и самое чувствование своей духовной природы. Оно совершенно заслонено и подавлено реальными чувственными впечатлениями и переживаниями. Все они живут телесною жизнью, и потому все имеют чувственный опыт. Но не все живут духовной жизнью, и потому не все могут иметь духовный опыт. Надо глубоко заглянуть в свой внутренний мир. Надо вызвать к жизни заглохшее духовное начало, надо начать питать его духовною пищею, и тогда мало-помалу в этих внутренних переживаниях все несомненное раскроется реальность души, подлинность вечного в ней начала, существенное различие в человеке его телесности и того, что не подлежит тлению. Все, что касается внутренней жизни, трудно выразить словами. Поэтому трудно «описать» и тот *опыт*, о котором ты спрашиваешь. В этом опыте ты чувствуешь жизнь совершенно по-новому, ты как будто погрузишься в нее весь, и это откроет тебе, что *сущность* ее совершенно иная, чем вещество. Ты будешь ощущать какое-то соприкосновение через это ощущение жизни с другим миром, невещественным, и иными человеческими душами, ты будешь улавливать такие оттенки внутренних состояний, которые раньше не замечал и которые явно неземного происхождения. Тебе откроется постоянное действие на тебя сил, ничего общего не имеющих с теми силами, которые действуют в вещественном мире. Ты начнешь входить через эти переживания своей душой в совершенно иной мир, и твое тело и мир вещественный станут тяготить тебя своей косностью и тяжеловесностью. Ты с радостью будешь уходить в себя, чтобы побыть в том, другом мире, который станет для тебя дороже, ближе и роднее, чем косный и тяжеловесный материальный мир. И чем более духовен человек, тем непреложнее для него свидетельствует этот внутренний опыт об особом, непостижимом, но несомненном духовном мире, к которому принадлежит и его бессмертный дух.

Неверие, т. е. отсутствие этого непосредственного знания бессмертия, начнет казаться таким же странным, каким показалась бы человеку, имеющему зрение, потеря не у слепого человека способности видеть солнце. В самом деле, создается такое положение: стоит человек, имеющий в себе живое, неопровержимейшее доказательство и иного, невещественного мира, и вечной своей жизни, и утверждает, что никакой вечной жизни нет и что его разум не может принять такой бессмыслицы, как бессмертие.

Казалось бы, и размышлять нечего, и логики никакой не требуется, и никаких других фактов не надо, кроме одного, который в тебе самом, перед твоим внутренним зрением, но который ты упорно не желаешь видеть: «Докажи бессмертие... Заставь меня поверить. Приведи факты». Ну, конечно, самое убедительное, что могло бы быть, – это не философские рассуждения о свободе, о добре и зле, о смысле жизни, а собственный опыт, т. е. если бы человек мог заглянуть в свою душу и там ощутить свое бессмертие.

Неизвестный. Но тогда вопрос переносится в другую плоскость – как этого достигнуть?

Духовник. Да. Это уже совершенно иной и очень большой вопрос. Говорить об этом вопросе – значит говорить о Церкви, о таинствах, о молитве и о многом другом. А как можно говорить об этом, не имея веры в Бога.

Неизвестный. Так не лучше ли нам перейти к вопросу о Боге.

Духовник. Хорошо. Я тоже думаю, что с этого начать лучше всего.

Диалог второй О Боге

Неизвестный. Да, ты прав. Какой вопрос ни возьми, непременно придешь к вопросу о Боге. Поэтому позволь выложить перед тобою все, что делает меня неверующим. Может быть, многое здесь не будет иметь прямого отношения к делу и заставит нас отклониться в сторону. Но иначе я говорить не умею.

Духовник. Говори, не думая о форме, – я постараюсь понять тебя.

Неизвестный. Во-первых, я заранее должен тебе сказать, что все схоластические доказательства бытия Божия – кажется, их семь штук – мне известны. Не трудись, пожалуйста, вновь перебирать их. Я думаю, они никого еще не сделали верующим и менее всего тех, кто их сочинял.

Духовник. Не беспокойся. В вопросе о Боге я меньше буду пользоваться логическим методом, чем в вопросе о бессмертии.

Неизвестный. Значит, ты хочешь не доказывать, а показывать истину?

Духовник. Да.

Неизвестный. Постараюсь добросовестно рассмотреть ее. До сих пор я ничего не видел в учении о Боге, кроме фантастической сказки, в которую к тому же давно никто не верит. Когда я встречал образованных людей, живущих, между прочим, совершенно так же, как и все неверующие люди, и говорящих о своей вере, – я невольно думал: неужели они не притворяются? Неужели серьезно можно верить во все эти басни?

Духовник. Признание безусловной искренности друг друга – необходимое условие нашего разговора.

Неизвестный. Да, да, конечно. Я привел эту мысль только для иллюстрации, насколько трудно мне допустить возможность веры. Итак, с чего же начать? Начну с второстепенного. Вот ты – православный священник и убежден, что знаешь истину. По твоей истине Бог троичен в лицах и един по существу. Ты веруешь в этого Бога и всякую другую веру считаешь заблуждением. Если бы я от тебя пошел к мулле, он стал бы говорить мне о своем едином Аллахе и тоже утверждал бы, что знает истину, и твоего троичного Бога считал бы ложью, совершенно не соответствующей учению Магомета. Потом я пошел бы к буддисту. Он мне стал бы рассказывать легенды о Будде, и утверждал бы, что он только один знает истину. Я пришел бы к язычнику. Он назвал бы мне несколько десятков своих богов и тоже утверждал бы, что знает истину. Это множество всевозможных религий, часто исключаящих друг друга и всегда утверждающих, что истина только у них, прежде всего заставляет усомниться, что в какой бы ни было из них есть истина. Логика в вопросах веры бессильна, а субъективная уверенность, очевидно, недостаточна. Ведь все представители этих различных религий имеют одинаковую субъективную уверенность и тем не менее только свою истину считают настоящей. Другими словами, только за своими субъективными состояниями они признают объективное значение.

Духовник. Твое мнение подобно тому, как если бы кто усомнился в истинности научного знания только потому, что по каждому научному вопросу десятки ученых высказывают различные взгляды. Ясно, что прав кто-то один. И для тебя «научной истиной» будет, что соответствует твоему пониманию этой истины. Возьми хотя бы вопрос о происхождении видов. Разве достигнуто здесь полное единомыслие? До сих пор многие совершенно опровергают теорию Дарвина. Многие возвращаются к Ламарку. Есть и неоламаркисты, и неодарвинисты. До сих пор еще в науке идут споры по этому основному вопросу биологии.

Однако ты не говоришь: «Биология не знает истины, потому что разные ученые разное считают истиной».

Неизвестный. Да. Но в науке есть вопросы, решенные одинаково всеми.

Духовник. Есть они и в религии. Все религии признают бытие Божие. Все признают Бога первопричиной всего сущего. Все признают реальную связь божественной силы с человеком. Все признают, что Бог требует исполнения нравственного закона, все признают, кроме видимого, невидимый мир, все признают загробную жизнь. Поэтому одна религия исключает другую не безусловно. В каждой религии есть доля истины. Но полнота ее заключается действительно в одной, в христианской, поскольку она раскрыта и сохраняется в Православной Церкви.

Неизвестный. Вот видишь, опять новое подразделение: поскольку она раскрыта и сохраняется в Православной Церкви. А католики? Протестанты? Англиканцы? Кальвинисты? А множество все возможных сект? Менониты, баптисты, квакеры, молокане, духоборы, хлысты – ведь все они только себя считают настоящими христианами, и православие кажется им грубым искажением Евангелия. Как же быть? Кому же из вас верить?

Духовник. Сколько бы ни было разногласий, истина от этого не перестает быть истиной. Ты это понимаешь в отношении науки. Пойми и в отношении религии. Частичную правду многие по разным причинам признают за полную истину, но полная истина существует, и когда ты ее увидишь, сразу узнаешь.

Неизвестный. Почему не узнают все?

Духовник. В громадном большинстве случаев по неведению, потому что им неизвестно учение Православной Церкви. А если известно и все же не видят истины, то причина коренится в нравственной области. Религия не наука. Нравственное состояние человека – необходимое условие для познания религиозных истин.

Неизвестный. Значит, по-твоему, полноту истины не видят в православии благодаря своему греху?

Духовник. Да. Гордость, эгоизм, страсти делают человека настолько невосприимчивым к чувствованию Истины, что, и видя, ее не узнают. Таковыми бывают, главным образом, родоначальники заблуждений и первые их приверженцы. А дальше заблуждение продолжает действовать из поколения в поколение, потому что в этом заблуждении воспитываются и вырастают и настоящей истины даже не стараются узнать.

Неизвестный. Это, во всяком случае, остроумно. Если твоя истина меня не убедит, ты всегда можешь сказать: сам виноват – поменьше бы грешил.

Духовник. Да, совершенно верно, и могу так сказать, и скажу, потому что совершенно убежден в том, что знать по-настоящему учение Православной Церкви и не чувствовать его истинность можно только при каком-то нравственном помрачении.

Неизвестный. Пусть так. Ведь, в конце концов, мне важно не то, как ты будешь оценивать мое нравственное состояние, а то, как ты оправдываешь свою веру. Выслушай меня дальше.

Все сомнения мои о невидимой душе еще в большей степени касаются невидимого Бога. И понятно. Ведь когда речь шла о душе, перед нами было все же какое-то несомненное бытие – «человеческая личность», и вопрос был лишь о ее составе. Здесь же мы говорим о чем-то совершенно фантастическом. О каком-то несуществующем «лице», которое создало наше собственное воображение, и делаем вид, что речь идет о чем-то действительно существующем. И что всего замечательнее, что этот выдуманный нами Бог, как нарочно, снабжен нами самыми нелепыми свойствами. Это, вероятно, для того, чтобы не так легко было обнаружить его фантастичность. Ведь если бы в Боге было все понятно – сразу было бы ясно, что Его нет. Что же такое, по вашему учению, Бог? По-видимому, это какая-то личность. Во всяком случае, верующие награждают своего Бога всякими свойствами человеческой лич-

ности. Он имеет разум, волю, чувства, гневается, любит и т. д. Но эта «личность» в то же время обладает и такими свойствами, которые прямо противоположны понятию личности. Бог не только всемогущ и всеведущ. Он не имеет никаких границ, всегда был и везде присутствует. Как, спрашивается, совместить представление о личности с понятиями «вездесущий» и «безграничный»? Под словом личность мы всегда мыслим нечто, имеющее предел, «отделяющий» то, что не составляет личность, от того, что ее составляет. Как личность может быть *везде*? Тогда, значит, *все* и есть эта личность, и *вне* этой личности, очевидно, ничего нет. Правда, видя явную нелепость всех этих определений, верующие люди спешат прибавить, что Он еще и *непостижим*. Но такая поправка не спасает положения. Нельзя же, в самом деле, наговорить кучу нелепостей и потом оправдывать их непостижимостью того, о ком они наговорены. Если Бог непостижим, то не лучше ли сказать прямо: Бог есть, но я не знаю, почему в Него верую, так как постигнуть Его невозможно. Может быть, мы на этом пока остановимся? Или говорить дальше?

Духовник. Нет, я думаю, лучше на этом остановиться. Прежде всего, везде будем иметь в виду относительность всех человеческих понятий в применении к вопросам веры. Вот ты говоришь: «личность». А можешь ли ты, отделив понятие «личности» от понятия «тела», с достаточным основанием говорить о ее «границах»? Ты здесь опять навязываешь «пространственность», столь необходимую для твоих восприятий материального мира и совершенно чуждую бытию духовному. Те свойства, о которых ты сказал, – ум, воля, чувство – они сами не занимают никакого пространства, и потому, когда ты говоришь о непримиримых противоречиях божественных свойств с определением Его как *личности*, ты мнимые противоречия усматриваешь здесь потому, что видишь перед собой «личность» материальную и прикладываешь к ней понятие не материального порядка. Но, если бы ты допустил личность *без материальной основы*, оставив за ней лишь разум, волю и чувство, – ты сразу перешел бы в совершенно иную, «непространственную плоскость» и перестал бы смущаться этими кажущимися противоречиями. Ты должен был бы признать, что и Бог, и душа одинаково беспространственны и что разница личности Бога и личности человека не в том, что человек занимает «мало» места, а Бог присутствует «везде», т. е. занимает «много места», а в том, что неведомое бытие одного относительно, а другого абсолютно. Перечисляя эти абсолютные свойства в земных понятиях, мы в то же время мыслим, что они касаются того, чему эти земные понятия будут соответствовать *там*, в совершенно иных условиях бытия. Мы понимаем, что пространства в нашем земном смысле там не будет. Но что-то соответствует и там нашему пространству. Это «что-то» у Бога является в абсолютной полноте, а у человеческой души лишь относительно и потому ограничено. Поэтому мы и утверждаем, имея в виду абсолютность этого свойства, соответствующего пространственности, что Бог *вездесущ*.

Неизвестный. Меня до известной степени удовлетворяют твои объяснения. Но я не понимаю, почему вы говорите о непостижимости Божества.

Духовник. О непостижимости говорим потому, что знать о некоторых свойствах Божиих, которые Сам же Господь открыл о Себе людям, – это еще не значит постигнуть ограниченным человеческим сознанием все безграничное содержание Существа Божия.

Неизвестный. Как же можно признавать непостижимое? Ведь мы все признаем существующим лишь настолько, насколько можно постигнуть разумом?

Духовник. Ни в коем случае. Есть нечто вполне реальное, что признает существующим неверующий разум и в то же время не может не признать постижимым.

Неизвестный. А именно?

Духовник. Бесконечность пространства и вечность времени.

Неизвестный. Для меня это не совсем понятно.

Духовник. Ведь ты, признавая только материальный мир, признаешь реальность пространства и времени так, как они даны твоему сознанию. Ты мыслишь их «метафизически»,

они для тебя реальная «протяженность», которая служит для измерения вещей и чередования явлений. Поэтому для тебя имеет совершенно реальный смысл и понятие «бесконечности» в смысле пространства, не имеющего конца, и «вечности» в смысле времени, не имеющего предела. Для тебя это не «дурная бесконечность», а объективно и реально существующая.

Неизвестный. Да.

Духовник. Но разве твой разум «постигает» понятия *бесконечного* пространства и *беспредельного* времени? Для тебя нелеп, потому что непостижим, *вездесущий Бог*. Но нисколько не нелепо, хотя столь же непостижимо, «бесконечное» пространство! Разве ты можешь по свойству ума своего мыслить нечто, не имеющее конца и предела? Коль скоро пространство для тебя «реальность», попробуй вести мысленно линию «без конца», попробуй вообразить себе вселенную, не имеющую предела. Вообрази себе, что ты миллиарды верст отсчитываешь куда-то вдаль от Земли, на которой стоишь, и сколько бы верст ни отсчитывал, нисколько не приближаешься к концу. Ты бы мог отсчитывать эти версты в течение тысячелетий и все равно был бы в том же положении, потому что конца не существует вовсе. Попробуй представить себе все это – и ты с полной ясностью поймешь всю невозможность для человеческого разума постигнуть понятие бесконечности. Ты мыслишь все имеющим предел. Таково свойство твоего ограниченного разума. И если ты поставишь такую же задачу в отношении времени, твой разум окажется в таком же беспомощном положении. Попробуй вообразить себе биллионы уже прошедших веков и биллионы веков грядущих и при этом почувствуй со всею реальностью, что какие угодно чудовищные цифры в прошлом и будущем нисколько не могут приблизить тебя к какому-либо пределу потому, что нет у времени ни начала ни конца. И тебе станет совершенно очевидна полнейшая неспособность твоего разума постигнуть понятие вечности. И вот, несмотря на эту невозможность постигнуть бесконечность пространства и бесконечность времени, ты утверждаешь несомненную реальность и того и другого.

Неизвестный. Это неизбежно. Как же я могу допустить предел? Ясно, что хотя мой ум и не в состоянии представить беспредельное, но было бы абсурдом допустить и предел: ведь какую бы громадную цифру мы ни взяли – всегда можно увеличить ее еще.

Духовник. Совершенно верно. Положение твоего разума безнадежное: с одной стороны, невозможно представить бесконечность, – с другой стороны, невозможно положить предел. Из этого безвыходного положения ты находишь выход в том, что признаешь несомненно существующим непознаваемое понятие бесконечности. Не так ли?

Неизвестный. Да, это верно.

Духовник. Но таково же положение человеческого ума и в вопросе о Боге. Постигнуть Его нельзя. Отрицать нелепо. Остается одно: признать бытие Его и непостижимым, и несомненным.

Неизвестный. Аналогия едва ли может быть доказательством.

Духовник. Я и не доказываю. Я только возражаю против положения: «Мы всё признаем существующим лишь настолько, насколько можем постигнуть разумом». Я хочу, чтобы ты, утверждая неверие, не расширял своих прав по сравнению с утверждающими веру. И то, что ты требуешь от разума людей веры, требуй и от разума людей, отрицающих веру. Если, по твоему, верующий разум должен признавать реально существующим только «познаваемое», тогда пусть и неверующий разум признает реально существующим только познаваемое. А если ты признаешь за неверующим разумом право признавать непостижимую для разума «бесконечность», на каком основании ты лишаешь верующий разум права признавать непостижимого Бога?

Неизвестный. Но, отрицая бесконечность, мы приходим к абсурду.

Духовник. По-моему, отрицая Бога, мы приходим к тому же.

Неизвестный. Да, пожалуй, твоя аналогия верна. Но ты покажешь мне, к какому абсурду приводит отрицание Бога?

Духовник. Непременно. В своем месте.

Неизвестный. Прекрасно. А теперь, могу я продолжать дальше?

Духовник. Продолжай.

Неизвестный. Моей вере мешает явно сказочный характер ваших откровений. Эти сказки, я согласен, по-своему прекрасны. Но все же это *сказки*. И нельзя же верить в них серьезно только потому, что они прекрасны. Представь себе взрослого человека, который помнит то, что ему рассказывали в детстве. Как хорошо, если бы существовали шапки-невидимки, ковры-самолеты, скатерти-самобранки. В детстве казалось, что все это «на самом деле». Но вот взрослого человека убеждают, чтобы он *продолжал* верить во все эти сказочные чудеса только потому, что «уж очень хорошо». Конечно, хорошо. Но что же поделаешь, если действительность не сказка. Хороши ваши рассказы о Боге, о спасении, о вечной жизни, о душе, – но ведь это шапка-невидимка. Не могу же я себя обманывать и уверять, что по-прежнему во всё это верю. Я не могу заставить себя верить, что есть Бог с большой бородой, что у Него есть Сын – Иисус Христос, спаситель мира, и Дух Святой, в виде голубя, и что этот всемогущий старик в шесть дней создал мир.

В последний день взял кусок земли, дунул, и получился человек. Потом из ребра этого человека сделал ему жену. Потом поместил их в рай, где Адам и Ева съели какой-то запрещенный плод, и после этого начались всякие страдания и так далее и так далее. Пока я остановлюсь на этом. Я хочу спросить, как ты принимаешь эти басни. Неужели за чистую монету? Или это какая-то «аллегория»... Но к чему было Богу прибегать для откровения к такой странной форме. Неужели нельзя было сказать попросту, безо всяких ковров-самолетов.

Духовник. Нет, библейские рассказы не аллегория, и потому нельзя их пересказывать по-своему, но это и не простое описание событий, как в истории или естественных науках, потому нельзя понимать их в грубо материальном смысле. Библия – это Божественное откровение, данное человеку в условиях его земной жизни, в рамках его понятий, языка и нравственного развития.

Когда ты читаешь о сотворении мира, ты не должен подходить к прочитанному тобой как естественнонаучному описанию. Господь открыл своему пророку в некотором видении тайну творения мира. Моисей видел перед собой как бы один день за другим – творение вселенной. И сколько бы ни длились, по утверждению науки, эти отдельные *периоды* – Божественное откровение будет по-прежнему утверждать, что это были дни. И будет право, и никакого *существенного* разногласия с наукой в этом не будет. Божественное откровение будет утверждать это не потому, что так важно *арифметическое* исчисление, – от него ничего не меняется: и в течение громадных периодов и в течение «дней» действовала все та же сила Божия, – но потому, что в *откровении* это было явлено в *днях*. Ты смущаешься формой, но не поражаешься содержанием. А казалось бы, гораздо поразительнее для неверующего разума согласие откровений по *существу* с самыми последними научными данными, о которых Моисей *сам*, разумеется, не мог иметь никакого понятия. С научными данными совпадает *последовательность* в днях творения. И совершенно непонятное в Библии создание *света* раньше светил небесных оказалось не явной несообразностью, как думали многие, а «последним» словом науки, по которой раньше образования светил существовал во вселенной «световой эфир». Нельзя мыслить как аллегория и создание человека. Создание человека действительно было *так*, как об этом говорит откровение. Но то, что там говорится, нельзя так же принимать грубо материалистически, как приготовление фигуры из земли и потом превращение ее в живого человека. И здесь надо входить в библейский рассказ *духом*, дабы постигнуть в пророческих видениях божественную тайну откровений. Человек – это

действительно земля, *персть*, то же, что и весь вещественный мир, живущий по законам причинности. Это то в нем, что было создано, когда уже была создана земля. Но Господь взял эту персть, эту материальную основу, и вдунул в нее *дыхание жизни*, т. е. дал ей Свой Божественный дух и, прежде всего, Свое Божественное начало свободы. И явился человек – образ и подобие Божие.

Неизвестный. Когда ты говоришь таким образом, все приобретает подобие вероятности, потому что ты создаешь какую-то абстрактную картину, нечто вне времени и пространства. Но как только опустишься с облаков этой абстракции в конкретную обстановку и спросишь: но как же все-таки Бог «дунул» в эту «персть» и что из себя представляла эта материальная основа, когда она еще не была «человеком», – так сейчас же и окажется, что всё в этих рассказах никакие не откровения, а просто занимательные сказки.

Духовник. Ты называешь абстракцией то состояние, когда мы несколько поднимаемся над чувственными восприятиями, заслоняющими от нас сущность вещей, и начинаем видеть нечто за пределами видимых явлений. Возьми естественное возникновение жизни. Что ты знаешь о ней? Ты знаешь биологические процессы, сопровождающие и обуславливающие это зарождение. Что такое жизнь и что совершается в момент зарождения нового существа, не с точки зрения внешнего описания биологического процесса, а по самому существу, – как было, так и остается тайной. Соприкосновение материального и потустороннего всегда «вне времени и пространства», и поэтому, сколько бы ты ни наблюдал и ни изучал внешнее при создании жизни, – та грань, где неживое переходит в живое, будет ускользать от тебя, как неуловимая для тебя «абстракция».

Поэтому нелепо говорить «конкретно» в твоём смысле и о создании человека Богом и спрашивать, как «дунул» Бог в «персть». Это возможно было показать только в откровении, где видимым становится то, что было *невидимо*, и осязаемым то, что было неосязаемо. «Конкретно» персть, из которой создан человек, могла быть видима всеми, и Дух Божий, коснувшийся ее, никому не мог быть виден. Он озарил эту персть человеческим сознанием. И это сознание дало человеку возможность видеть Бога. В откровении и *показан* этот невидимый в «конкретных условиях» момент. Да, здесь великая тайна. Но ведь великая тайна – и весь окружающий нас мир, и в нем все время видимое соединяется с невидимым и осязаемое с неосязаемым. И если бы это могло быть нам *показано*, мы непременно увидели бы это в таких же формах, в которых нам даны библейские откровения. «Сказочность», о которой говоришь ты, единственно возможная для откровений форма, вполне соответствующая тому таинственному содержанию, которое в нее облекается и делает доступным нашему ограниченному сознанию непостижимое и нечувственное.

Неизвестный. Но, в конце концов, если допустить, что за этими словами, действительно стоит какое-то таинственное содержание, то ты все еще попросту в него веришь, ты его не доказываешь.

Духовник. Логически не доказываю. Но правду их чувствую не только непосредственным чувством, но утверждаю и разумом, потому что эти рассказы объясняют мне необъяснимое и весь хаос приводят в стройное и совершенное мировоззрение.

Неизвестный. Ну, о «совершенном мировоззрении» ты говорить повремени. Выслушай сначала мои *главные* возражения. Ведь до сих пор я говорил скорее о внешних препятствиях для веры. Теперь перейду к внутренним.

Духовник. Прекрасно.

Неизвестный. Сколько раз я ставил перед собой вопрос о Боге так: допустим, что этот непостижимый Бог существует. Допустим, я умудрился совершить насилие над здравым смыслом и заставил себя признать невидимого, непостижимого личного Бога. Могу ли я успокоиться на этом признании? Ведь разум потребует от меня ответов на целый ряд вопросов, которые будут вытекать из этого признания. Первый и самый убийственный вопрос

будет о зле. Допустим, я уверовал, что существует всемогущий, вездесущий, всеведущий Бог, который все создал и «без Него ничтоже бысть, еже бысть». Откуда же зло? Что оно такое? Кто его создал? Тоже Бог? Очевидно, нет. А если Бог не создавал, значит, не все создано Богом? А зачем всемогущий Бог терпит зло, если не Им оно создано? Зачем должна разыгрываться вся эта трагикомедия «борьбы со злом», когда всемогущий Бог мог бы единым движением его уничтожить и оставить в мире одно добро? Какой ответ может дать вера на эти вопросы? Опять все свести к непостижимости? Обычное убежище, когда задаются верующим людям неразрешимые вопросы. Но в данном случае неразрешимость вопроса о зле должна привести нас не к признанию «непостижимости» религиозных истин, а к неизбежному отрицанию Бога, потому что существование зла делает веру в Бога нелепой.

Второй, не менее убийственный вопрос – о страдании. По вашему определению, Бог – это любовь. Абсолютная, совершенная, непостижимая и прочее. И вот эта любовь допускает страдать безмерными страданиями и не человека только, но и все живущее на земле, до самой последней инфузории. Даже наше огрубелое сердце жалеет страдающего. А ведь это Бог, сама любовь, видит и слышит, как стонет земля, и не хочет прекратить ее страдания. Ведь Бог всемогущий, значит, Он может дать счастье всему живому? Какой же смысл в том, что Бог молча «взирает», как мир корчится от боли? И в этом тоже есть высший, «непостижимый смысл»? Ты скажешь – Бог не виноват в этих страданиях, они за грех в раю? Прекрасно. Но, во-первых, зачем же Бог создал человека таким, что он согрешил? А во-вторых, плод с запрещенного дерева съел человек, при чем же здесь инфузория? Ведь она-то никакой заповеди не нарушила, однако и ей больно, если ее положат в какую-нибудь кислоту!

Вы любите говорить, что видите Бога в природе. Что это? Слепота или самообман? Ведь с точки зрения «высшей правды», природа – сплошной ужас. Где там Бог? Там все ест друг друга. Жук ест червя, птичка ест жука, коршун ест птичку.

Лягушка глотает личинку комара, змея глотает лягушку, еж ест змею, лиса ест ежа. И все это Бог в природе? Или, может быть, вы видите Бога в таких фокусах, как прокалывание гусеницы наездником? Да человеку не додуматься бы до такой чудовищной жестокости. Проколоть гусеницу, положить в нее яйцо, из которого выведется личинка, которая съест внутренности гусеницы и, когда та все-таки окуклится, выведется вместо нее! Все это Бог? Ты скажешь: это «результат греха». Прекрасно. Но ведь Бог всеведущ. Значит, Он знал, что получится такой «результат» – зачем же тогда было создавать мир? Опять скажешь: «тайна», непостижимо, невыразимо. Но постой, это не все.

Вы, признающие Бога, со всеми Его «абсолютными» свойствами, утверждаете далее, что Бог-любовь этого жалкого, несчастного, пострадавшего человека, когда тот наконец найдет покой в смерти, пошлет еще за его грехи в ад, где этот несчастный преступник будет страдать *вечно* – «там будет плач и скрежет зубов». Мало было плача и скрежета зубов здесь, на земле, оказывается, вселюбящий Господь приготовил и на том свете на веки вечные еще большие муки. Какая бессмыслица! Какой ужас! И все-таки я должен верить! Никогда! Если с известной натяжкой я еще могу допустить бытие и *непостижимого*, и «невидимого» Бога, то когда поставлю перед собой вопрос о зле и страдании, я чувствую, что вера в Бога – просто нелепый вздор.

Духовник. Все, что ты сейчас сказал, действительно «убийственные» вопросы, но не для верующих в Бога, как ты думаешь, а, наоборот, для тех, кто в Него не верует. И я очень рад, что ты так ясно и твердо поставил эти вопросы – ведь из них нет другого выхода, кроме веры.

Неизвестный. Это великолепно. Ты хочешь мое оружие обратить против меня? Посмотрим, как ты это сделаешь.

Духовник. Я постараюсь раскрыть тебе, как на твои убийственные вопросы отвечает вера, и тотчас ты увидишь, как беспомощно перед этими вопросами неверие.

Неизвестный. Надеюсь только, что ты обойдешься без ссылок на отцов Церкви и прочие авторитеты.

Духовник. Ты, вероятно, заметил, что в разговорах с тобой я избегаю таких ссылок, хотя все время имею в виду и Слово Божие, и творения отцов Церкви. Но по этому поводу, может быть, я приведу слова святых отцов не потому, что считаю их для тебя авторитетом, а потому, что они с таким совершенством выражают почти невыразимое человеческими словами.

Неизвестный. Впрочем, раз ты предоставляешь мне полную свободу говорить так, как я нахожу нужным, – не следует и мне стеснять тебя в этом отношении. Я слушаю.

Духовник. Почему всемогущий Бог допускает существование зла? Почему Он единым актом Своей воли не уничтожил зла и не сделал всех добрыми? Вот первый вопрос, который ты поставил передо мною. Сама постановка вопроса представляется мне недоразумением. Представь себе такой, например, вопрос: может ли всемогущий Бог совершить грех? Очевидно, нет. Но если Он не может совершить греха – значит, Он не всемогущ? Можно ли серьезно ставить такие вопросы. И ведь твой вопрос только с первого взгляда кажется иным. «Может ли всемогущий Бог *сделать* людей добрыми?» Но ведь это значит уничтожить основное *свойство добра* и «добро» превратить в моральное *ничто*.

Неизвестный. Совершенно не понимаю, что ты хочешь сказать.

Духовник. Если бы добро было простым и неизбежным *следствием* силы Божией, оно было бы, как и всякое явление материального мира, причинно обусловлено, потому потеряло бы свое моральное содержание. Я уже показал тебе, когда мы рассуждали о бессмертии, что явление причинно обусловленное не может иметь моральной оценки. То, что лишено *свободы*, не может быть ни добрым, ни злым, а является *неизбежным*. Понятия добра и зла предполагают в человеке «свободу выбора». Но там, где речь идет о свободе, нельзя говорить о причинной зависимости. Итак, в логически формальном отношении твой вопрос содержит недоразумение, которое станет совершенно очевидным, если вопрос изложить так: почему всемогущий Бог Сам, Своей силой, не сделает людей добрыми, т. е. не лишит их свободы, без которой никакое добро вообще существовать не может?

Неизвестный. Конечно, в такой формулировке вопрос не имеет смысла.

Духовник. Но эта формулировка вытекает из сущности понятия добра. Итак, ответ на вопрос: почему Бог Сам не сделает людей добрыми и неспособными творить зло, – ясен. *Потому, что Он даровал им свободу.* Вот на этом понятии свободы мы и остановимся теперь подробнее. Когда мы говорили с тобой о бессмертии, я рассматривал свободу воли, поскольку надо было показать бессмысленность этого понятия для неверующего разума. Теперь мы постараемся рассмотреть это понятие со стороны его положительного содержания, столь важного не только для решения вопроса о зле, но и многих других вопросов.

Понятие свободы принадлежит к числу тех понятий, которые, как вечность и бесконечность, с одной стороны, непостижимы для нашего разума, а с другой – утверждаются им как нечто несомненно существующее. Человек мыслит по законам причинности. Для ограниченного человеческого разума всякое явление должно иметь свою причину. Действия и явления «беспричинные» он мыслить не может. Но свобода есть беспричинность, нечто первичное, ничем предыдущим не обусловленное, какое-то таинственное, совершенно для нас непостижимое начало. Свобода для нашего разума так же не имеет предела в смысле *причинности*, как бесконечность не имеет предела в пространстве или во времени. И если бы мы вздумали постигнуть свободу как причинность, пришли бы к такому же безвыходному положению, как пытаюсь постигнуть бесконечность во времени и пространстве. Если мы прервем цепь причинного ряда и скажем, что вот это явление зависит от такой-то причины, и дальше поставим *предел*, то наш разум сейчас же спросит: а какова была причина, определившая эту последнюю из указанных причин? Если же мы скажем: нет, это была последняя

причина, а сама она ничем не обусловлена, тем самым мы утверждаем несомненно существующим непостижимое понятие свободы воли как беспричинности.

Неизвестный. Но почему нельзя признать причинный ряд бесконечным?

Духовник. Можно. Но это будет отрицанием свободы воли. А ведь мы с тобой говорили о свободе как о несомненном факте и лишь хотим постигнуть значение этого понятия. Причинный ряд можно вести до бесконечности лишь для объяснения механических причин обусловленных явлений, а не для объяснения свободы. Если ты будешь говорить о бесконечном ряде причин и следствий, то ты попросту вовсе откажешься решать вопрос о свободе. Это в особенности ясно, когда речь идет не о человеке как первопричине того или иного действия, а о Боге как первопричине всего сущего.

Неизвестный. Разъясни это подробнее.

Духовник. Для верующего разума Бог есть первопричина всего сущего, начало всякого бытия.

Сам не имеющий начала и потому вечно пребывающий. Постигнуть это невозможно настолько же, насколько невозможно постигнуть вечное бытие чего бы то ни было. Отрицать Бога как первопричину и сказать, что мир существует *вечно*, – значит сказать *вдвойне* непостижимое. Во-первых, это непостижимо так же, как и все вечное, а потому и *вечное* бытие Божие; и во-вторых, это непостижимо в смысле отсутствия *первопричины* в мире, где все действует по закону причинности и где никогда нельзя дойти до первой причины всего причинного ряда явлений. Вера в Бога решает этот вопрос иначе. Она отодвигает состояние вечносущей Первопричины в область *доматериальную*, в ту область, где не существует явлений преходящих, причинно обусловленных. Это то, что было *всегда*, до создания мира. А мир материальный мыслит доступно для понимания человеческого разума, как имеющий начало и созданный во времени. И потому материальный мир живет по закону причинности, а не свободы, он имеет и свою первопричину – Силу Божию, его создавшую.

Неизвестный. Разве то, что ты говоришь, раскрывает положительное содержание понятия свободы? Пока ты все время показываешь мне, почему можно и даже должно признавать это непостижимое понятие, а не раскрываешь его содержания.

Духовник. Да. Мне совершенно необходимо предварительно указать на это, потому что иначе твой разум откажется воспринимать последующее и уже доступное пониманию.

Неизвестный. Пожалуй, ты прав.

Духовник. Перейдем теперь к самому содержанию понятия свободы. Мы созданы по образу и подобию Божью, и «свобода воли» есть подобие в нас Божественного начала. Мы указываем на различные свойства Божества, – но это не значит, что мы мыслим Бога как нечто «сложное», состоящее из различных элементов, подобно тому как материализм мыслит материю. Бог абсолютно прост, неразложим и неделим. Таким образом, свойства Его есть не что иное, как совершенное человеческое *описание* этой единой и неделимой Сущности. Такова и душа человеческая, созданная по Его подобию. Мы говорим: мысль, воля, чувство, но эти определения не имеют соответствия в сложности элементов души. Душа, как подобие Божие, не сложна, это единица неделимая и простая. Свобода воли в этой единице не есть один из элементов, ее составляющий, а одно из ее *свойств*.

Неизвестный. Это, выходит, какой-то неделимый духовный *атом*.

Духовник. Пожалуй, да. Но лучше не будем употреблять этого термина. Итак, начало свободы воли и есть свойство души, которое состоит в непостижимой возможности вне причинно обусловленной зависимости совершать те или иные действия. Это свойство, дарованное душе Богом, делает человека богоподобным, отличает его от всех живых существ и в нравственном смысле открывает для него путь к богосовершенству, и дает надлежащий смысл понятию добра и зла. Абсолютное добро – это то, что творит воля Божия. Для человека делать добро – значит *свободной* своей волей избирать и делать то, что будет совпадать

с волей Божественной. Такое свободное произволение соединит человека с Божественным началом, даст ему как сопричастнику Божества *вечную жизнь* и сделает не отвлеченной, а совершенно реальной задачу богосовершенства. Вот теперь, наконец, мы подошли к твоему вопросу – что такое зло и кто его создал? Зло не есть самостоятельная сущность, поэтому нельзя сказать, что его создал Бог. В человеке его создало то же начало, которое создает и всякое человеческое действие, – свободная воля. Что же оно такое? Это есть такое свободное произволение, которое противодействует Божественной воле. Такое противодействие, отсутствие единства воли человеческой с волей Божественной как бы отрывает человека от Божественного начала и влечет за собой страшные последствия, которые создают многообразное *зло*. Я все же приведу тебе здесь целый ряд суждений о зле святых отцов и учителей Церкви:

«Зло не есть какая-либо сущность, имеющая действительное бытие, подобно другим существам, созданным Богом, а есть только уклонение существ от естественного своего состояния, в которое поставил их Творец, в состояние противоположное. Поэтому не Бог есть виновник зла, но оно происходит от самих существ, уклоняющихся от своего естественного состояния и предназначения» (Дионисий Ареопагит).

«Мы не созданы для смерти, но умираем сами через себя, нас погубила собственная воля» (Тациан).

«Адам сам себе уготовал смерть через удаление от Бога. Так, не Бог сотворил смерть, но мы сами навлекли ее на себя лукавым соизволением» (Василий Великий).

Теперь, имея определенный ответ на вопрос, что такое зло и откуда оно взялось, попробуем ответить и на другой твой вопрос – о страдании. В чем заключалось грехопадение человека? В нарушении заповеди Божией. Эта заповедь была тем выражением Божественной воли, с которой могла оказаться в согласии свободная воля человека, – и тогда вся жизнь была бы связана с Божественным началом. Или могла оказаться в противоречии этой воле и тогда разрывалась связь с Божественным началом и начиналась жизнь вне Бога. Человек пал, то есть избрал второй путь.

Неизвестный. Постой, какая же это свобода, если человек *должен* был соблюдать заповеди Бога?

Духовник. Да. Должен, *если хотел добра*, если хотел иметь жизнь без зла, но он был совершенно свободен в своем выборе и при желании зла, т. е. при желании противодействовать Божественной воле – мог выбрать этот путь, и он его выбрал.

Ты не любишь ссылок на святых отцов, но послушай, как прекрасно говорит об этом св. Ириней Лионский: «Верующие веруют по их собственному выбору, точно так же и не соглашающиеся с Его учением не соглашаются по их собственному выбору... Тем, которые пребывают в своей любви к Богу, Он дарует общение с Ним. Но общение с Богом есть жизнь и свет и наслаждение всеми благами, какие есть у Него. На тех же, которые по их собственному выбору удаляются от Бога, Он налагает то разъединение с Собою, которое они выбрали по собственному соглашению. Но разъединение с Богом есть смерть и лишение всех благ, которые есть у Него. Поэтому... те, которые через отступничество теряют эти выше упомянутые вещи, будучи лишены всякого блага, – испытывают всякого рода наказания. Однако Бог не наказывает их непосредственно Сам, но это наказание падает на них потому, что они лишены всего того, что есть благо» (Против ересей. Кн. 4, гл. 39, 4).

Жизнь вне Бога, «по своей воле» сразу давала силу над человеком тем стихиям, которые пребывали в полной гармонии лишь при связи человека с Богом. Когда связь эта была оборвана грехопадением и самоутверждением человеческой воли, все пришло в состояние расстройств, борьбы, разделения, явилось *страдание* как противоположность блаженству и смерть как противоположность жизни. Вопрос о страдании самым тесным образом связан с вопросом о зле, потому что страдание есть прямое его следствие. Поэтому и ответ на этот

вопрос будет тот же. Кто создал страдание? Оно создано не Богом, а свободной волей человека, отпавшего от Бога. Потому уничтожить страдание – значить уничтожить зло и восстановить абсолютное добро. Но «сделать» людей добрыми силой Божией невозможно, как уже показано раньше.

Неизвестный. Не понимаю. Ведь грех совершил один человек, а страдает и умирает все живое?

Духовник. В христианском мировоззрении, как в совершенном здании, нельзя выдернуть один кирпич, не повредив целого. Это мироздание нельзя брать по частям. Твой вопрос опять основан на недоразумении. Ты берешь созданное Богом не как единое целое, а как собрание каких-то самостоятельных частей, где судьба одной части не имеет отношения к другой. Бог поручил все живое человеку не только в том смысле, что дал ему *власть* над этим живым царством, но как совершеннейшему, как носителю в природе образа Божия, как главе, все живое соединяющей с Божеством, и тем вручил ему *ответственность за судьбу всей жизни*. Поэтому и падение человека было падением всей жизни, отпадением ее в лице человека от Бога. Поэтому, как увидишь дальше, и восстановление этого единства через «нового Адама» было в то же время спасением не только человечества, но и всей жизни.

Неизвестный. Ты все же не ответил мне на главный вопрос: зачем всеведущий Бог, зная, к чему приведет дарованная Им свобода, создал мир? И какой смысл создавать человека, заранее зная, что он отпадет от Бога и превратит всю жизнь в сплошное страдание, и не здесь только, но еще и за гробом.

Духовник. Этот вопрос я пока не рассматривал потому, что он касается не столько бытия Божия, сколько судьбы человека. Мы говорили до сих пор о том, что такое зло и страдание и кто их создал. Теперь же ты ставишь совершенно другой вопрос, об отношении Бога к греху и страданию. Этот вопрос приводит нас к великой тайне Искупления. Только вера в Искупление дает полный ответ на вопрос о судьбе павшего человека и об отношении к нему Бога. Но об этом будем лучше говорить в другой раз, чтобы нам подробно рассмотреть столь важный вопрос.

Неизвестный. Прекрасно. Но разве о Боге ты сказал все? Ведь ты хотел показать истину?

Духовник. Я отвечал на твои вопросы и в этих ответах высказал тебе ее. Пока это не вся истина, но лишь главнейшее ее основание. Отрешись на несколько мгновений от всех своих вопросов и посмотри на эту истину как она есть, не искажая ее своими сомнениями.

Неизвестный. Ты хочешь показать положительное содержание веры в Бога?

Духовник. Да.

Неизвестный. Говори. Я постараюсь слушать тебя так, как ты этого хочешь.

Духовник. Мы веруем, что Бог по существу есть Любовь. Что в Нем содержится совершенный всеведущий Разум и совершенная всемогущая Воля. Всегда был Бог, и жизнь Божия, от века бывшая, до создания мира во времени, – неведома нам. Разум Божий, помысливший о вселенной, Любовь Божия, возлюбившая ее, и Воля Божия, решившая быть ей, создали мир. Мир – это творческое создание Божественного Разума, Любви, Воли. Каждое дыхание жизни имеет источник в Божественном начале. И каждая частица вещества имеет в основе своей разум, любовь и волю – как в Боге пребывающая. Все существует – и видимое, и невидимое – Божественной силой. И все имеет жизнь и нетленную основу, ибо все пребывает в Божественном Разуме, в Божественной Любви и Его святой Воле. Все живет по неизменным законам, которые дал Господь видимому миру, но все имеет, кроме этих механических законов, высший разумный смысл, ибо все соединено с Божеством и стремится к своему первоисточнику. Мир – это не разрозненный, бессмысленный, мертвый хаос, имеющий только видимость порядка и закономерности, а разумное, живым Духом Божиим одушевленное, единой жизнью живущее, для вечного нетленного бытия приуроченное созда-

ние Божие. Высшее в нем – человек. Образ и подобие Божие, носитель сознания, которое есть отблеск Божественного Разума, любви, которая есть искра Любви Божественной, и свободы воли, которая есть таинственное начало, подобное непостижимой Воле Божией. Через него в союзе любви человека с Богом как с Отцом и создателем, – утверждается и свободный союз всей вселенной. Эту истину о Боге мы познаем и в своем духе, когда погружаемся в духовное самопознание, и во всей вселенной, когда поднимаемся до молитвенного созерцания.

Неизвестный. Сказка, сказка. Изумительная, великолепная сказка, неведомо кем и неведомо для чего созданная.

Духовник. Ты истину называешь сказкой. Но как тогда назовешь ложь? Выслушай теперь то, о чем я хотел сказать тебе в начале нашего разговора: к какому абсурду приводит отрицание Бога.

Нет Бога. С каким торжеством произносятся многими эти страшные слова. Но понимают ли те, кто их говорит, что они значат? Нет. Не понимают; если бы понимали, то иначе произносили бы их. Да, их можно сказать. Но какой ужас в душе должен стоять за ними. Ведь только потеряв рассудок, можно с торжеством и ликованием говорить о своей гибели. Чему радоваться? Чем гордиться? Какое тут может быть торжество? А слова «нет Бога» – это не только *твоя* гибель, это гибель решительно *всего*, чем жив человек. И все-таки ты смеешься над верой? Все-таки смотришь победителем? И ты скажешь, что это не сумасшедший дом, а нормальное состояние людей?

Пусть на один миг окажется, что ты прав. Пусть твое неверие стало несомненной, неопровержимой истиной. Пусть так. Смотри же, какая «истина» откроется перед тобой.

Вселенная – это безграничная масса вещества, находящегося в движении. Двигается Земля вокруг Солнца. Луна движется вокруг Земли. Каждая планета имеет свой путь движения, и каждый спутник описывает вокруг нее определенную математически точную фигуру. Но и само Солнце со всеми своими планетами, в свою очередь, движется куда-то по направлению звезды Веги. И каждая звезда – это такая же солнечная система, находящаяся в движении. Двигается весь небесный свод. Двигается неисчислимое множество звезд Млечного Пути, и движется каждый атом вещества, из которого состоит мир, и в каждом атоме движутся, по строго определенным математическим законам, составляющие его электроны. В неизменном движении пребывает этот никем не созданный мир. Без смысла, без цели. Как у чудовищной машины, вертятся его колеса и уносят его в вечность. Что же такое в этом мире – Я? И я кусочек такого же вещества. И я такая же комбинация атомов. И моя жизнь – бесцельная, ни для чего не нужная игра этих движущихся неделимо малых частиц, которые в своем движении скомбинировались так, что явилась моя ни для чего не нужная личность, чтобы потом опять рассыпаться, точно кубики разных форм и цветов, для чьей-то забавы. Наступит момент, когда сгорит и остынет Земля. То есть атомы вещества так скомбинируются в ней, что прекратится всякая жизнь. Но вещество не уничтожится никогда. Атомы и электроны будут продолжать свое бесцельное движение. Вечно будут двигаться колеса громадной машины, уничтожаться и вновь возникать миры. Нет высшего разума. Нет высшего смысла. Нет высшей целесообразности в жизни вселенной. Бездушное холодное вещество всегда было и вечно будет. И это все... Вот твоя истина. Вот чем ты гордишься. Вот от чего торжествуешь. И ты скажешь – это не безумие?

Неизвестный. Если почувствовать все так, как ты говоришь, пожалуй, немногие согласились бы жить. Уж лучше поскорее пулю в лоб.

Духовник. Да, оно так и было бы. Но дьявол хитер. Чтобы люди не могли прийти в себя, он уверил их, что они-то, потерявшие разум, и есть здравомыслящие люди. Научил их говорить что-то о величии науки, о чудесах техники, о каких-то необыкновенных достижениях, о том, что они что-то такое победят и все покорят, – и всем этим вздором так уверил несчаст-

ных больных, что им совсем не хочется лечиться. И разве перед смертью иной почувствует, что над ним посмеялся дьявол. Но тогда уже поздно жизнь начинать сначала.

Неизвестный. Да, ты изобразил мою истину не очень-то привлекательной. Но, в конце концов, что же, кроме отвлеченных построений, дает и твоя вера? Ведь на деле-то и верующие, и неверующие имеют одно и то же.

Духовник. Вера в Бога дает не «отвлеченное построение». Она перерождает жизнь.

Неизвестный. Ах, значит, и здесь опыт.

Духовник. Непременно.

Неизвестный. Хотел бы я знать, что это за опыт, превращающий сказку в действительность?

Духовник. Если без внутреннего опыта не может быть вера в бессмертие, тем более – вера в Бога.

Неизвестный. Я очень прошу тебя сказать об этом подробнее.

Духовник. Да, сказать нужно. Но ничтожны мои слова, бессилен человеческий язык. Как передать то, что больше разума, выше человеческого чувства? Ведь Бог – это то чем живет наша душа и что озаряет светом своим всю нашу жизнь? Случалось ли тебе когда-нибудь всходить на высокую гору? Помнишь ли ты чувство, которое испытываешь, когда поднимешься на вершину и перед тобой откроется даль? Это слабое подобие того, что знают верующие люди. Только перед ними открывается не даль земли, а даль безграничного совершенства. Чувствовать Бога – это значит чувствовать единство вселенной, нетленность жизни, высший ее смысл. У нас есть особое, неведомое вам чувство, что нас соблюдает Господь, и это дает нам уверенность и твердость. Мы никогда не бываем одиноки. Мы всегда с Ним. Все согрето для нас любовью Божией. И чувство радости – самое основное, самое неизменное наше чувство. Ум наш, как и у всякого человека, не в силах представить себе бесконечность, не может постигнуть того, что такое свобода, не знает цели мироздания. *Но в чувствовании Бога есть нечто подобное тому, как если бы ты на один миг узнал все это и не мог удержать в памяти, но сердце в своей памяти сохранило бы тебе это навсегда.* Вера в Бога перерождает нас потому, что открывает нам источник совершенно новых, для нас неведомых душевных состояний. Видим ли мы Бога? Нет, больше, чем видим. Осязаем ли Его? Нет, больше, чем осязаем. Слышим ли Его? Нет, больше, чем слышим. Бог – это самое достоверное, самое несомненное, самое совершенное мое знание. Все может оказаться ошибкой, сном, мечтой. А Бог – есть. Так не нам ли торжествовать? Не нам ли гордиться? Не нам ли праздновать победу? Не мы ли знаем истину?

Неизвестный. Признаюсь, мое положение трудное: рассуждения твои все же не могут убедить меня вполне.

Духовник. Я тебе показываю истину. Смотри и решай, где правда и где ложь.

Неизвестный. Да, так. Но я, пожалуй, сразу теперь выбрать не смогу.

Духовник. Значит, ни да, ни нет?

Неизвестный. Пожалуй... Уж очень хороша твоя сказка, заманчиво признать ее действительностью.

Духовник. Что же тебе мешает?

Неизвестный. Все еще многое. И больше всего, пожалуй, непостижимость. Ты меня, отчасти, уже приучил допускать непостижимое, а все же остаются вопросы о зле и страдании.

Духовник. Но к этим вопросам мы еще вернемся, когда будем говорить об Искуплении.

Неизвестный. Думаю, что эта новая сказка об Искуплении не уменьшит, а увеличит препятствия для моей веры.

Духовник. Ни в коем случае. Чем полнее будет раскрываться истина, тем она будет делаться несомненной.

Неизвестный. Но можно сказать и наоборот – чем больше будет лжи, тем труднее в нее поверить.

Духовник. Совершенно верно. Потому истинная вера есть одно из самых несомненных свидетельств об истине.

Неизвестный. Неужели ты думаешь, что твоя вера может убедить меня даже в такой истине, как Искупление?

Духовник. Да, думаю.

Неизвестный. Странно. Впрочем, не знаю.

После этих разговоров мне начинает казаться, что, может быть, не все принял в расчет, утверждаясь в своем неверии.

Духовник. Это очень хорошо. Не гони этого чувства от себя. Я уверен, что дальше оно будет в тебе еще сильнее.

Неизвестный. Посмотрим. Я готов сказать: дай Бог!

Диалог третий Об искуплении

Неизвестный. На этот раз я не собираюсь задавать тебе вопросы. В предыдущих разговорах я доказывал истинность своего неверия и хотел узнать, что стоит у тебя за твоей верой. Но Искупление? Ведь это значит учение о Троице, о воплощении Сына Божиего, о Божией Матери, о Голгофе, о Воскресении... О чем тут спрашивать? Все это мне кажется до такой степени нелепым, такой ясной «мифологией», что просто не о чем разговаривать. Все равно, как если бы речь шла о рождении Венеры или о каком-нибудь прикованном Прометее. Сомнения могут быть в отношении чего-то такого, в чем есть хоть самая ничтожная доля вероятности. Но когда говорится о заведомо нелепом вздоре, какие тут могут быть сомнения и вопросы?

Духовник. Почему же ты хочешь меня слушать?

Неизвестный. Я должен признать, что ты заставил меня по-новому относиться к возможности веры. И если, как ты сказал в нашем разговоре о Боге, учение об Искуплении – необходимое завершение всего, что ты говорил о грехе, страдании и смерти, – как же мне не поинтересоваться, что ты скажешь и об этом. Если хочешь, просто *умственное* любопытство.

Духовник. Прекрасно. Твое любопытство не праздное. За ним стоит инстинктивное стремление к познанию Истины.

Неизвестный. Ты все истолковываешь в свою пользу. Но могу тебя уверить, что я даже представить себе не могу, чтобы я когда-нибудь стал считать истиной то, о чем ты хочешь говорить со мной.

Духовник. Я сказал – инстинктивное стремление к Истине, а не сознательное стремление.

Неизвестный. Ну, о том, что вне моего сознания, я пока еще говорить не научился. Итак, я слушаю.

Духовник. Сейчас мы будем говорить с тобой о величайших тайнах, которые открыл человеку Бог, и о событиях, которые совершались в здешнем мире, но по законам совершенно иного, невещественного бытия, и потому должны быть приняты верой. Под этим мы разумеем не простое *доверие* к чужим словам, признание чего-либо действительно существующим без всяких доказательств, «на слово», а то высшее *познание*, более совершенное, чем познание только *одним умом*, то всеобъемлющее чувствование Истины, которое делает эти непостижимые для разума Тайны самыми непреложными и самыми несомненными истинами, какими не могли бы сделать их никакие логические доказательства. Тебе случалось, конечно, не раз переживать нечто подобное в окружающей тебя жизни. Вот ты слушаешь почти незнакомого тебе человека. Все, что говорит он, вполне вероятно. Но ты безотчетно, и не умом, а всем существом своим, чувствуешь, что он лжет. И наоборот, ты слушаешь другого, так же почти неизвестного тебе, и то же непосредственное чувство заставляет тебя верить каждому его слову. И когда у тебя является такое чувство доверия, совершенно ненужными кажутся доказательства правдивости одного и лживости другого. К чему доказательства, когда ты веришь? Все самые убедительные доказательства могут дать меньше, чем та уверенность, которая у тебя есть. Нечто подобное, но гораздо более совершенное и всеобъемлющее, нужно сказать и о вере в религиозном смысле. Вот ты сказал: говорить об Искуплении – значит говорить о Троице, о Боговоплощении, о Божией Матери, о Голгофе, Воскресении... Да, это так. Но какие здесь «доказательства»? Бог открывает чело-

веку то, что выше всякого разума, а мы будем требовать от ничтожного человеческого разума, чтобы он «доказал» нам истинность того что открыл человеку о Себе Бог?

Нет, будем лучше с благоговением и страхом внимать Божественному откровению.

Неизвестный. Ты, кажется, забываешь, что говоришь с неверующим человеком?

Духовник. Нет, помню прекрасно. Но я помню и то, что говорю с человеком, не потерявшим способность почувствовать истину, то есть поверить ей, когда он ее увидит.

Неизвестный. Я спрошу тебя, как Пилат: что есть Истина? И думаю, что вопрос мой так же останется без ответа.

Духовник. Вопрос Пилата был оставлен без словесного ответа потому, что перед ним была та Истина, о которой он спрашивал. И если *он не хотел ее* видеть – всякий ответ, то есть доказательства ее, были бы излишни. И твой вопрос будет оставлен без ответа в этом же смысле. Я тебе свидетельствую об Истине. И если ты спросишь, где она, докажи мне ее, – этот твой вопрос, несомненно, останется без ответа.

Неизвестный. Хорошо. Я согласен. Не доказывай, а показывай свою истину. В конце концов, не все ли равно, каким путем я ее узнаю.

Духовник. То, что мы знаем о Боге, человек сам не мог бы узнать никогда. И в то же время знание это совершенно необходимо для того, чтобы человек мог жить в Боге, сознательно идти дорогой богосовершенства. Человеческое сознание могло бы прийти к мысли о бытии Божиим. Но о сущности Божества он сам ничего бы не мог узнать ни из окружающей жизни, ни из смутных очертаний своего богоподобного образа. Он в этом получил бы лишь основание для более или менее близких к Истине фантастических грез. Таковы все религии, кроме христианской, в которых естественное откровение, данное в самом существе человеческой души и в окружающей природе, смешивается с поэтической и философской фантазией. Только Сам Бог мог сказать о Себе людям: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.

Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1: 1–3).

Только Бог мог сказать людям: «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух Истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15: 26).

В этих словах Божественного откровения утверждается основной догмат православия о Боге троичном в Лицах, и едином по существу. Это откровение о тайне Пресвятой Троицы утверждено событием при крещении Спасителя, когда три Ипостаси явлены были в формах бытия земного.

«Когда же крестился весь народ, и Иисус, крестившись, молился: отверзлось небо, и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!» (Лк. 3: 21–22.)

Неизвестный. Нет, не могу! Пока еще ты философствуешь, т. е. пересказываешь то, чему учит вера в отвлеченных философских формулировках, – я так или иначе могу тебя слушать. Но когда ты начинаешь совершенно серьезно приводить мне легенды и мифы, в подтверждение твоих «истин», я теряю эту способность. Мало тебе «искушать» мой ум нелепым утверждением, что три равно единице, ты говоришь еще о «разверзающихся небесах», голосах с неба, превращениях одного из богов в голубя, о «сыне» Бога Отца, который стоит при этом и крестится в воде.

И все это говорит образованный человек, не сошедший с ума, в двадцатом веке, в период блестящего расцвета научного знания. Ничего не понимаю.

Духовник. Успокойся. О «блестящем расцвете научного знания» мы говорили достаточно. Можно бы к этому не возвращаться: ведь Лайель, Пастер, Пирогов, Томсон, Фламма-рион, Лодж, Вирхов и множество других ученых немало потрудились над этим расцветом.

И это не мешало им в девятнадцатом и двадцатом веках верить в то, о чем я сейчас говорю с тобою. Брось говорить пустые фразы легкомысленного и недобросовестного безбожия. Пусть ничто не мешает тебе исследовать Истину. Вернемся к этому исследованию. Из указанного мною события и из приведенных слов Божественного откровения мы узнаем нечто о внутреннем бытии Божиим. Конечно, как оно и должно быть, многое здесь не может вместить человеческий разум, подобно тому как не может он вместить бесконечности во времени и пространстве, бытия без материальной основы, беспричинности в понятии свободы воли. Но, не постигая, можно сознать истинность и несомненность этого непостижимого.

Что же открыто нам о Боге? Бог – это то, что было всегда. Это то, что выводит нас из бесконечного ряда вечно меняющихся явлений, из бессмысленности ни для чего не нужного круговращения. Бог дает начало вселенной во времени, будучи Сам безначален. Мы находим покой в абсолютности Его свойств, потому что они вмещают в себя все вечное, все превышающее человеческое разумение. Но Бог за пределами изменчивого бытия, имеющего начало, не есть слепая безличная сила или нечто отвлеченное, пустая безжизненная абстракция. Мы знаем из откровения нечто о Его предвечной жизни. Бог един, не сложен по Своему составу, абсолютно прост. Но это единое по существу абсолютное Начало, все создавшее и силой Своей все содержащее, имеет три Лица, три Ипостаси, не раздробляющие и не разъединяющие Его *существа*. И потому *единый* Бог по трем Лицам Своим – Пресвятая, Единосущная и Нераздельная *Троица*.

Неизвестный. Я не понимаю: ведь три лица, что бы мы под ними ни разумели, – во всяком случае, какая-то сложность.

Духовник. Нет. Ипостаси – это лица Божии, никакой сложности *по существу* собой не выражающие. Святые отцы указывают некоторое подобие в окружающем нас видимом мире для уразумения этой великой Тайны. Солнце имеет три образа своего бытия: вещество его составляющее, свет, который в его лучах, и тепло, которым оно согревает землю. Все это единое солнце, но три его как бы «лица» – единое существо, выражающие вещество, свет, тепло. Ты недоумеваешь: как число «три» может не быть сложным и равняться единице? Но число только в применении к явлениям материального мира имеет те количественные свойства, которые делают для тебя несообразным понятие несложной Троицы, равной единице. Ведь твоя *единая* личность лишь условно, применительно к земным свойствам чисел, определяется как троичная по своему составу, состоящая из ума, чувства и воли. Но на самом деле и личность твоя «едина по существу», неделима и неразложима на те три образа, которые не разделяют существа ее на три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.